

Министерство культуры РФ
ФГУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник»
Рязанский заочный институт (филиал) МГУКИ

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОВИНЦИИ

Материалы IV научно-практической конференции,
посвященной памяти Д.И. Иловайского и М.К. Любавского

Рязань, 21 февраля 2007 г.

Рязань
2009

ББК 63.1 (2Р.-4Ряз.)
И 903

К 175-летию Д.И. Иловайского

Оргкомитет конференции:

председатель – директор РИАМЗ Л.Д. Максимова, заместитель – зам. директора РИАМЗ к. и. н. И.Г. Кусова, секретарь – ученый секретарь РИАМЗ к. и. н. Д.В. Губин, члены – профессор РЗИ (ф) МГУКИ к. и. н. Л.В. Чекурин, профессор РГУ д. и. н. А.А. Севастьянова, главный архивист ГАРО к. и. н. Д.Ю. Филиппов.

Редакционная коллегия:

к. и. н. Д.В. Губин, к. и. н. И.Г. Кусова (ответственный редактор), Т.В. Рахманина.

И 903

Историографическое наследие провинции. Материалы IV научно-практической конференции, посвященной памяти Д.И. Иловайского и М.К. Любавского. Рязань, 21 февраля 2007 г. – Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2009. – 272 с.

Материалы историографической конференции, посвященной двум известным российским историкам XIX – нач. XX в., уроженцам Рязанского края – Д.И. Иловайскому и М.К. Любавскому, являются собой редкий пример исследований в области провинциальной историографии. Подобные научные форумы проходят в музее-заповеднике с 2002 года, однако материалы конференции публикуются впервые. Они представляют собой оригинальные исследования в области истории культуры российской провинции и отечественной исторической мысли, открывают новые имена, расширяют и уточняют имеющиеся представления о ходе научного исторического познания.

Сборник предназначен для исследователей – специалистов в области отечественной истории и историографии, преподавателей учебных заведений, студентов гуманитарного профиля.

ISBN 978-5-902096-28-3

Д.В. Губин

О КНИГЕ А.Г. КУЗЬМИНА «ТАТИЩЕВ» И ЕЕ ЗНАЧЕНИИ НА ФОНЕ НЕКОТОРЫХ ОЦЕНОК ТАТИЩЕВСКОГО НАСЛЕДИЯ*

Научно-популярная по форме работа А.Г. Кузьмина посвящена удивительной фигуре XVIII в. – выдающемуся русскому историку, крупному государственному деятелю Василию Никитичу Татищеву. Благодаря книге А.Г. Кузьмина эта историческая личность заняла место в известной серии «Жизнь замечательных людей». Первое издание книги выпущено издательством «Молодая гвардия» в 1981 г., второе – в 1987 г.¹

В современном потоке мыслей и наблюдений авторов-историков появляются обращения к книге А.Г. Кузьмина о первом крупном историке России. К сожалению, обращаются к этой работе не так часто и не в том объеме, как исследование того заслуживает². Бросается в глаза и откровенно невнимательное отношение к книге в недавно появившейся прямо-таки «революционной» «критической» работе А. Толочко. Этот автор обратил свои усилия к источникам и известиям главного труда В.Н. Татищева – «Истории Российской», к фронтальному разоблачению «умелых мистификаций» историка XVIII в. Уже сам по себе подобный подход скорее деструктивен, нежели конструктивен.

Но обратимся к труду Аполлона Григорьевича Кузьмина. Прежде всего, в нем он выделяет главное в наследии В.Н. Татищева, его исследование содержит наблюдения и мысли по поводу основополагающих тенденций развития отечественной исторической науки. В работе даны тонкие характеристики творчества выдающегося государственного деятеля, мыслителя, историка. Книга дает яркое представление о масштабе личности Татищева. Фигура одного из крупнейших русских историков убедительно вписана советским ученым в один ряд с такими выдающимися деятелями, как Петр I и М.В. Ломоносов. В возможности такого соотнесения был убежден в конце XIX в. другой биограф и исследователь Татищева Д.А. Корсаков. Но А.Г. Кузьмин уточняет: «Сравнение с Петром I идет, конечно, как комплимент. Но, строго говоря, оно не вполне удачно. Два этих деятеля находятся в разных социальных плоскостях... Главное достоинство правителя – уметь отобрать из разнообразных предложений наиболее целесообразное по тому или иному вопросу. Главное достоинство мыслителя – уметь найти лучшее решение той или иной проблемы, поставленной жизнью. Петр к советам прислушивался. Но решал все-таки не всегда наилучшим образом. У Татищева почти всегда намечалось самое целесообразное для данного времени решение. Но он не располагал возможностями провести его в жизнь»³. Речь идет, если разобраться, о выдающемся значении всей деятельности В.Н. Татищева, хотя это и не было в должной мере осознано большинством современников и даже ближайших потомков. На поприще науки его

* Статья приурочена к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора А.Г. Кузьмина (1928–2004).

силы обрели свое место наиболее выпукло, но и это волею судеб только лишь через какое-то время выяснило золотыми буквами имя историка в анналах науки. В оценке роли В.Н. Татищева в отечественной исторической науке, верное, дальше всех идет М.А. Алпатов: «В те времена попытка создать исторический труд такого масштаба и на таком документальном основании была настоящим подвигом»⁴.

Прежде чем обратиться к историографическим аспектам работы А.Г. Кузьмина, несколько слов о самой книге, научно-популярной по форме и глубоко научной по содержанию. Вышедшее 150-тысячным тиражом второе издание представляет собой показательный факт: книга читающей публикой была не отвергнута, иначе не было бы смысла ее переиздавать. Можно предположить, к 1980-м гг. проявилась закономерная историографическая потребность в целостном восприятии личности Василия Татищева. Подобная картина-характеристика могла быть создана лишь крупным историком, не склонным ни к суности языка, ни к бурной витиеватости изложения. И эту характеристику дал Аполлон Кузьмин.

Предшествующие обращения к Татищеву в обобщающих биографических работах Н.А. Попова, Н.К. Чупина и ряда других авторов относятся ко второй половине XIX в. Появившиеся почти через сто лет после этого книги о В.Н. Татищеве были либо изданы на периферии, либо имели формат популярного и художественного произведения⁵. В 1970-е – самом начале 80-х гг. с выходом в свет отдельных книг о В.О. Ключевском М.В. Нечкиной (1974) и о С.М. Соловьеве В.Е. Иллерицкого (1980) возник некоторый «дисбаланс» по сравнению с персонификацией исторической науки XVIII в.

Перечислять все достоинства и плодотворные мысли в книге о В.Н. Татищеве нецелесообразно. В случае заинтересованности читателю стоит прочитать саму книгу. Предметному изучению наследия Татищева, его главного исторического труда может серьезно помочь академическое издание 1960-х гг. К сожалению, как заметил А.Г. Кузьмин, «История Российской» вышла 7-томным изданием в количестве от 2600 до 3000 экземпляров, что, учитывая масштабы тиражей советской литературы, составляет не очень заметный показатель, не намного отстоящий от показателя XVIII в., наоборот, не самого низкого.

Необходимо остановиться на некоторых основных моментах в работе А.Г. Кузьмина, по преимуществу связанных с вопросами историографии и методологии исторического исследования, историософии, попытаться в известной мере интерполировать выводы автора на современное состояние исторической науки, раскрывая тем самым их универсальное значение и перспективность.

В «Татищеве» сформулирована мысль, имеющая непреходящее значение для истории исторической науки в максимально широком, историософском охвате понятия: «Расхождения в оценке “Истории Российской” простирали уже из неодинакового понимания предмета истории. К XVIII в. в европейской историографии четко обозначились два направления. Одно из них, представленное так называемыми эрудитами, задачу истории сводило к собиранию и пересказу источников. Другое направление требовало от истории не просто

фактов, а смысла. Обычно это были исторические экскурсы мыслителей, политиков и философов. Между обоими направлениями неизменно шла довольно жесткая борьба, со взаимным полным отрицанием достижений друг друга. Из первого направления позднее разовьется позитивизм, в рамках которого кульфакта нарочито направлен против теории, против отыскания смысла и даже глубинных причин явлений вообще⁶. По аналогии с отношением частного к целому нельзя обойти вниманием другой, по-видимому, важнейший вывод А.Г. Кузьмина: «Древние авторы были пристрастны. Пристрастны и современные историки. Но это не снижает значения исторической науки. Напротив. Именно поэтому она так и важна... Но “некоторые” “не обыкли о весчах внятно и подробно рассматривать и разсуждать”. Татищеву и “о бесполезности истории... слыхать случалось”. Поэтому он считает нeliшним разъяснить, в чем именно заключается “польза истории”. Татищев считает историей весь человеческий опыт – и положительный и отрицательный. Все существующее в мире – и природа и люди – имеет свою историю. “Ничто само собою и без причины или внешняго действия приключиться не может”. А выяснение причины и вызванного ею действия – это уже история... Знание накапливается от поколения к поколению. Оно складывается исторически...»⁷.

Стоит специально отметить, что для «эрuditов» преimущественная эксплуатация факта может не мешать личностному пониманию теории или определенного комплекса причинно-следственных взаимосвязей событий и явлений. Из такого положения вещей выводится возможность манипулирования теорией, фактами, даже и тем и другим. Подобное действие может идти от различных целей, которыми руководствуются люди (группы людей), его совершающие. При этом сами по себе факты могут не вызывать сомнений. Просто факт (группа фактов), никак не объясненный либо объясненный поверхностно, вне достаточной по объему и глубине логической связи с другими фактами и группами фактов, можно подавать завороженным «массам» в тексте и устной речи. Для «избранных», «посвященных», в том числе для историков академического круга, главным и наиболее ценным может быть только теория. Эта самая теория с ее многочисленными взаимосвязанными уровнями – основание любой науки. «Наполнение» ее – разнообразные факты. Причем, установление факта истории, корректное разложение исторического события на более мелкие факты и само изложение его является не менее, а зачастую и более сложной задачей, чем выработка того или иного обобщения, о чём писал академик М.М. Богословский⁸. Во многом это бывает связано с сохранностью и репрезентативностью наличной источниковой базы исторических исследований, а также степенью сложности происходивших в истории явлений.

В достаточно зрелый период развития научного знания игнорирование либо замалчивание ключевых теоретических моментов, логических связок, манипулирование теорией, некое «жонглирование» фактами является четким сигналом для суждения о том, что что-то здесь не то. Относительно теории это устанавливается в печатном (рукописном) тексте на логическом, прежде всего, уровне в форме фиксации серьезных неувязок и смысловых противоречий. Либо о подобном перекосе приходиться судить на том же уровне, но уже интertextualного и внетextualного порядка.

Ткань исторического времени сопряжена с фактами, сплетена из них, как материя из атомов. Без данных «элементарных» частиц структура, системообразующее начало в виде теории было бы излишеством. Однако это не так. С помощью теории можно объяснять сообщаемые историческими источниками факты, с ее помощью нужно пытаться увязать между собой свидетельства исторического развития. В каких-то случаях требуется убедиться в достоверности источников, если необходимо, установить и проверить непротиворечивость имеющихся свидетельств.

Без всего этого невозможно приблизиться к реальному пониманию того, что человек есть существо историческое, развивающееся от поколения к поколению, правда, подверженное и регрессу. Заметно сложнее будет картина, если брать не отдельного человека, личность, а общество, государство, человеческую цивилизацию в целом. Все же и в том, и в другом случае можно надеяться, что дело самоидентификации далеко не безнадежно. Вспомним глубокие и строго последовательные историко-философские размышления Н.И. Кареевой, видевшего в личности, обществе и их истории основания для сближения отдельных социальных наук, те основания, которые, по убеждению историка рубежа XIX–XX вв., с течением времени придали различным отраслям гуманитарного знания действительно гуманитарный характер, теснейшим образом связанный с областью этической оценки. «...Когда мы говорим о прогрессивности или регрессивности тех или других исторических перемен, о их значении в истории культурного и социального развития, по их качественному отношению к развитию и счастью человеческой личности, когда мы ко всему процессу всемирной истории прилагаем мерку прогресса, желая узнать, в каком направлении совершился объективный ход истории, мы становимся также на этическую точку зрения. Это есть точка зрения философии истории.

Психологическое и этическое понятие личности одно сообщает гуманистический характер наукам, занимающимся вопросами, которые возникают из нашего стремления верно понимать явления человеческой жизни и правильно пользоваться своим знанием. Явления духа, отвлеченные от личности, в которой и через которую эти явления только и существуют, превращаются в предметы, подобные вещам, и лишаются всякого этического характера, будут ли этими предметами язык, изучаемый грамматикой, разного рода памятники человеческого творчества, которыми занимается археология, или произведения духа, на которых тоже ведь можно смотреть, лишь как на книги, и делать предметом какой-нибудь библиографии. ... Психологическая и социологическая точка зрения вносят в прежния общественные науки, т. е. в политику, юриспруденцию и экономику вопрос о личности и обществе, как совокупности личностей, живущих общею духовною, хозяйственною, правовою и государственною жизнью. Но есть в настоящее время еще одна общая почва для встречи между собою отдельных общественных наук: я говорю об исторической науке в ее современном понимании. Мы уже видели, как история сделалась наукой более гуманитарной, чем была прежде, и сделалась ею благодаря тому, что занялась изучением духовной культуры. ... Идеал общей истории это – изучение взаимной связи культурных, экономических, юридических и политических фактов в их отношении к благополучию и развитию личности, к зависящему

от этого благополучия и развития умственному, нравственному и общественному прогрессу человечества»⁹.

Отступив немного в сторону от главной повествовательной линии настоящей статьи, имеет смысл сделать из сказанного логический вывод с попыткой очертить определенную исследовательскую проблему. Нельзя не учитывать, что существенный прирост научного знания в XX – начале XXI в. приводит, как ни странно, к представлению о том, что возможности науки все же небезграничны. Во всяком случае, один только факт, что на XX в. – время эпохального развития науки – пришлось сразу две мировые войны, может охладить любой энтузиазм в данном отношении. Поэтому оценивать возможности науки в исключительно позитивном ключе было бы неверно. На современном этапе развития, когда индустриальные и постиндустриальные государства и национальные образования еще только вступили в эру глобального информационного общества, однозначно говорить о качестве и характере открывающихся возможностей, по-видимому, преждевременно. То, что новые возможности открываются, сомнений не вызывает. Есть основания надеяться, что в дальнейшем заметная роль исторической науки в жизни государства и общества как непременного условия существования государственно-правовых форм человеческого общежития и как гаранта выработанных сообществом личностей этических норм может объективно только усиливаться. Однако это не исключает возможности «проверок на прочность» со стороны определенных сил. Благодаря своим обширным недрам эта область знания может дать неисчерпаемые перспективы развития, связанные, прежде всего, с нравственными ценностями. Отменить глубинной природы исторического знания никто не может, как никто не может пройти мимо важнейшего понятия личности, а также таких близких понятий, как человеческое и национальное достоинство. Как известно, понятие личности человека предполагает, прежде всего, внутренний протест против использования человека в качестве средства для достижения посторонних ему целей. В этом смысле роль исторической науки трудно переоценить, так как она имеет возможности в той или иной перспективе выявлять, описывать и оценивать с точки зрения общепризнанных этических норм существовавшие, существующие цели, частные и, что не менее важно, общие, ранжируемые от целей-минимум до целей-максимум. Без представления об определенной «структуре», стержне любого выявленного и с течением времени сформулированного понятия, без учета универсального значения такого важнейшего понятия, как понятие личности, трудно представить, насколько была бы возможна этическая оценка частных и более общих целей.

Таким образом, историк не должен принципиально дистанцироваться от оценок, тем самым отдавая предпочтение сравнительно более легкому и менее противоречивому пути сугубой констатации фактов и явлений, пусть даже связанных между собой, например, хронологически. Нельзя забывать, что стремление к объективным оценкам в отношении имеющихся данных (если брать исторические факты, исторические явления, то это стремление, прежде всего, к этическим оценкам) способствует лучшему пониманию общих закономерностей развития. Принцип сравнительно-дифференцированной оценки является, несомненно, одним из основных атрибутов научного познания. Без

него видение объекта исследования не имело бы глубины, объемности, фактически было бы плоскостным, что особенно неуместно в отношении истории. Предполагающая этическую оценку модель является моделью во многом идеальной, поскольку она подразумевает в исследовании максимально полную картину предмета, которая основана на более чем тщательно проработанном презентативном массиве источников соответствующей степени информативности. Подобная работа должна была бы представлять собой обширный текст или даже множество текстов, но теоретически не исключена возможность и сравнительно сжатого объема информации. Все зависит от избранного ученым или группой ученых уровня (уровней) обобщения имеющегося материала, а также от того объективного уровня, на который вышла к моменту исследования историческая наука либо отдельные ее сегменты и группы сегментов. Принципиально не признавать существование названной модели, а также игнорировать соответствующие объективные требования, предъявляемые к историческому исследованию в широком смысле, значит апеллировать к тому, что не научно.

Теория исторической науки, не учитывающая принципа этической оценки, все равно что кастрюля, у которой по какой-то причине отсутствует дно. Как нельзя сварить каши в такой вещи, так и с помощью подобной теории невозможно получить ответы на вопросы, закономерно возникающие в ходе знакомства с ключевыми фактами истории. Иными словами, если при детальном рассмотрении представлять себе историческую теорию как некую иерархию уровней обобщения, то уровень, предполагающий этическую оценку, следует признать самым высоким. Но необходимо подчеркнуть, что такое представление ни в коей мере не исключает возможности возникновения этого высокого уровня в любом исследовании, а не только отдаленно-перспективном. Наоборот, оно предполагает постоянное и активное обращение исследователя к области этической оценки пусть даже в той форме, которая остается за гранью текста. Наконец, с точки зрения автора настоящей статьи, наличие данного уровня обобщения может служить основополагающим критерием для суждения о непредвзятости исследователя, о его стремлении к объективному показу прошлого, что не лишено актуальности особенно в условиях разноголосицы и «плурализма» во мнениях историков.

В книге А.Г. Кузьмина оценивается, в частности, влияние академических традиций в российской науке. Заметное их воздействие обнаруживается в том факте, что с течением времени возобладала терминология, идущая не от «историописателя», предложенного В.Н. Татищевым, а от «историографа», вышедшего из Академии наук Татищевской эпохи, где доля иностранцев была крайне высока¹⁰. Но Кузьмин подчеркивает глубоко уважительное отношение Татищева ко всем народам, основанное на представлении об их равенстве, – вопреки мнению «скептиков». «Татищев, безусловно, стремился показать величие своего народа. Но это делалось не за счет других народов и не в ущерб истине»¹¹.

Зафиксированная А.Г. Кузьминым оппозиция, которую с известной долей условности можно назвать оппозицией «эрudit-мыслитель», имеет отношение не только к особенностям развития историографии XVIII в. Тенденция к

нарочитому разрыву в базовых подходах к профессиональному труду историка с успехом достигла наших дней. По-видимому, эта тенденция рафинировалась, качественно и количественно усложнилась, в частности, на рубеже ХХ–XXI вв. Нисколько не утратила своего значения мысль по поводу своеобразной оппозиции в отличительных качествах-характеристиках двух типов исследователей невзирая на то, что честный эрудит, если разобраться, не сможет навсегда оставаться в своей «раковине», равно как и настоящий мыслитель – становится конкретики в необходимых, следовательно, значительных объемах. Несмотря на то, что современное научное исследование невозможно без специальной выборки фактов для проблемного анализа, несмотря на существенно расширяющиеся объемы и усложнившиеся механизмы получения и синтеза исторического знания, представление о названной оппозиции не исчезает за нагромождениями фактов и построений из этих фактов. Учет и оценка существующих тенденций развития, проблемная интерпретация фактов в их совокупностях, анализ полученных наукой обобщений, выявление закономерностей, научный синтез и, наконец, критерий созидательности, все это – непременные составляющие широкого научно-созидательного подхода. В наши дни он выступает в море информации в качестве надежного ориентира.

Допустим, взять ситуацию, когда не проводится целенаправленный разбор оснований развития историографии, не отдельных исторических трудов и их концептуального наполнения, а именно закономерностей развития исторической науки как явления (то есть зеленый светдается условному направлению «эрудит»). Существует вероятность, что в результате может заметно усложниться формирование способности оперативно и правильно ориентироваться в современном развитии исторической науки, в частности четко оценивать собственный исследовательский путь и научное творчество с целью его возможной корректировки. Это обязательно затруднит становление по-настоящему крупных историков-профессионалов, может исключить и вовсе подобную возможность в тех масштабах, которые необходимы для поступательного развития науки. Правда, изменить пути развития исторической науки это не может, до тех пор пока в государственных общедоступных библиотеках, а также в государственных архивах и музеях существуют физически опубликованные и неопубликованные труды предшественников, историков прошлого и настоящего – книги на бумажных, главным образом, носителях, а также рукописи. С недавнего времени в основном у частных лиц потенциально накапливаются еще массивы текстов на электронных носителях, но в этом плане имеются вопросы, связанные, прежде всего, с недостаточной по сравнению с бумажными носителями надежностью в вопросах авторства текстов в электронном или даже отсканированном виде.

Поэтому, с точки зрения автора данной статьи, неизменно актуальной является задача максимальной интеграции двух отмеченных подходов в освоении артефактов и идей прошедших времен – в рамках не только творчества отдельного исследователя, но и отдельной исследовательской работы. Между прочим, к этому идеалу (как и к любому другому) важно приближаться, двигаться, как правило, преодолевая на этом пути препятствия. Просто иметь в виду какой-то идеал – почти то же самое, что его игнорировать; другой вопрос –

существование разных идеалов. Что касается необходимого, теоретически и практически достижимого объединения подходов, то важна интеграция, которая достигается не за счет соблюдения формальных признаков, а за счет того, что является значительно более существенным в сравнении с формальным подходом. Действительная интеграция выводит за пределы науки ради науки, стремится апеллировать к жизни в качестве первоосновы этой самой науки. Желательно, чтобы даже из сравнительно небольшого текста это было ясно и не требовало многочисленных вспомогательных умозаключений. В плане содержания, равно как и в плане стиля, неразрывно связанного со смысловым уровнем, проблема прозрачности научных текстов на современном этапе стоит в первом ряду. В частности, это связано с возросшими темпами информационных процессов в мире, с довольно серьезными требованиями к качеству и адекватной форме передаваемой вовне информации, игнорирование которых может привести к выпадению данных из актуального информационного поля.

Важный смысл исторического творчества В.Н. Татищева охарактеризован А.Г. Кузьминым таким образом, что вырисовывается «филиганный» образ, идеал историка: «Понять “Историю” Татищева нельзя, не поняв самого Татищева и его эпохи... Татищев, как отмечалось, был историком в самом широком и ответственном смысле этого слова, – он мыслил исторически. Для него явление никогда не ограничивалось тем, чем оно виделось современникам. Он стремился понять, как явление стало именно таким. Доискивание до причин – отличительная черта всей научной и практической деятельности Татищева. Принцип историзма, свойственный Татищеву во всех его начинаниях, и повел его в конечном счете к созданию капитального труда по отечественной истории»¹². Проявилась в этом, безусловно, закономерность развития исторических знаний в России XVIII в. Прежде всего, это касается второй четверти века, когда В.Н. Татищев и создал свои основные труды по истории России. Важнейший период развития историографии емко охарактеризован М.А. Алпатовым: «Решающим признаком исторической науки является наличие исторической теории, достигшей определенного идеологического уровня и ставшей основой для группировки исторических фактов и событий. В петровское время этот уровень еще не был достигнут, создателем русской исторической науки был В.Н. Татищев – человек петровской эпохи, но создавший свою “Историю Российскую” несколько позже»¹³.

А.Г. Кузьмин отмечает уникальную специфику, присущую непосредственно В.Н. Татищеву, и только ему. Вместе с тем, становится очевидным наличие в рассматриваемую историческую эпоху начальных («геологических») этапов формирования отечественной исторической науки. «История Российской» дает уникальный для своего времени образец исторической мысли. Кузьмин пишет: «В высшей мере примечательно, что весь первый том его труда был посвящен анализу источников и всякого рода вспомогательным разысканиям, необходимым для решения основных вопросов. Именно наличием такого тома труд Татищева положительно отличается не только от изложения Карамзина, но даже и Соловьева. В XIX в. вообще не было работы, равной татищевской в этом отношении. ...поразительно, как много он нашел такого, что наукой было принято лишь много времени спустя. Он, например, уже заметил, что в рус-

ских летописях часто наблюдается смешение в датах из-за того, что славянский мартовский год приходилось подстраивать под византийский сентябрьский. Разницу в полгода в одних случаях выносили вперед, в других – продолжая византийский год. Весь XIX век этого не знал. Снова это открытие было повторено лишь в XX столетии»¹⁴.

Значение главного труда В.Н. Татищева отметил известный специалист по XVIII в. Н.Л. Рубинштейн: «“История” Татищева подвела итог предшествующему периоду русской историографии... “История” Татищева, однако, не стала достоянием сколько-нибудь широкого круга читателей. Ее не “читали”, – для этого она была слишком громоздка и сложна, в ней было еще слишком много тяжелой первоначальной собирательской работы, сырого материала. Но иначе и не могло быть»¹⁵. Надо подчеркнуть и то, что в незначительном выходе на читателя не мог не оказаться факт позднего и незавершенного издания монументального исторического труда. С другой стороны, и в наши дни выдающиеся историки нередко обходят вниманием. Яркий пример тому обнаруживается в работе А.Ю. Самарина, в которой автор повествует о распространении трудов Г.-З. Байера, Г.-Ф. Миллера, М.В. Ломоносова, в особенности его интересует печатный Синопсис¹⁶. В работе Самарина по отношению к Татищеву явно проглядывает предвзятый подход, несмотря на все оговорки¹⁷.

В Синопсисе, в этом массовом печатном учебнике, могут запомниться подробные рассказы о крещении Руси и Куликовской битве, а также тема Киева и Чигиринские походы. Но в сравнении с трудом Татищева он явно проигрывает. Это видно из рассмотрения, проведенного Рубинштейном: «В Синопсисе мы встречаем ссылки на источники, но эти ссылки делаются без анализа и критики. У Татищева вопросы источниковедения выделяются в специальный раздел его “Введения”. Татищев значительно расширяет круг источников. Здесь “русские истории генеральные” – “Временник Несторов”, “Киприанова Степенная”, хронографы, Синопсис; затем местные летописи (“топографии”, по Татищеву) – Московские, Новгородские, Псковские, Сибирская, Астраханская, Нижегородская, Муромская (“баснословная”, – замечает тут же Татищев); далее дипломатический или актовый материал, источники “участные”, т. е. записки участников событий (Игнатий диакон, митрополит Макарий, Курбский, Палицын, Сильвестр Медведев, Матвеев и многие другие); наконец, следуют литературные и законодательные памятники. Используются и свидетельства иностранцев. Татищев дает при этом общую характеристику и известную оценку источников, исходя из изложенных выше общих принципов (определения степени достоверности источника, историографического в том числе. – Д.Г.)»¹⁸. Синопсис, как неоднократно отмечали исследователи, есть в сущности учебное пособие. Современному автору не мешало бы более четко отметить это в своем обобщающем сочинении. Прежде всего, название его может ввести в немалое заблуждение. Учебники без монографий существовать не могут, это не следует забывать.

Первоначально В.Н. Татищев не собирался в своем капитальном историческом повествовании идти дальше 1613 г., но, как отмечает А.Г. Кузьмин, «материал собирал и на весь XVII в., далее по время Петра I. Более всего Татищева в этом случае затрудняла не сама работа... а ее излишняя злободневность. “В

настоящей истории... являются многих знатных родов великие пороки, которые если писать, то их самих или их наследников подвигнуть на злобу, а обойти оные – погубить истину и ясность истории... оное оставляю иным для сочинения»¹⁹.

Любопытно воззрение В.Н. Татищева на наиболее ранний период истории славян. А.Г. Кузьмин в другой работе по этому поводу пишет: «Славяне у него продвигаются в Европу через Малую Азию, и он отождествляет их с малоазиатскими венетами (знетами), упоминаемыми Гомером в связи с Троянской войной. Они были союзниками троянцев и, так или иначе, разделили их судьбу, вынужденно переселяясь в глубь европейского континента»²⁰. При написании своего исторического труда автор XVIII в. использовал более трех десятков античных и византийских источников²¹. Между прочим, как Юрий Крижанич в XVII в., так Василий Татищев в XVIII в. не принимал, замечает А.Л. Шапиро, популярную в XVI в. легенду о происхождении Рюрика от римского кесаря Августа, которую Михаил Ломоносов считал «частично достоверной»²². Татищев, кроме того, не был склонен возводить русский народ к Ною.

По поводу легенд в историографии показательно то, как смотрит на этот вопрос М.А. Аллатов: «И характерно – петербургские академики-немцы решительно покончили со всеми русскими теориями легендарного происхождения Руси, а вот легенду о призвании варягов не только не отвергли, но подняли на щит»; и в другом месте у него читаем: «Ирония состояла в том, что в то время как русская историческая наука создавалась вне Академии, в самой Академии был создан “варяжский вопрос” – бесплодная дискуссия, антирусская по происхождению и направленности, которая потом столетиями лихорадила русскую науку»²³. Как известно, эта «лихорадка» пошла от конкретной политической ситуации в первой половине XVIII в. На конфликт толкало иностранное засилье в России рассматриваемого времени. В немалой степени несогласие мотивировалось тем движением, которое возникло после Полтавской и ряда других побед в войне со Швецией за выход к Балтийскому морю.

Л.В. Черепниным проанализированы факторы исторического развития по Татищеву: «Приведя известия различных древних авторов, Татищев пытается их истолковать в том смысле, что “славяне задолго до Христа и славяноруссы собственно до Владимира письмо имели...”. Интерес к древней славянской письменности связан с общими представлениями Татищева о том, что изобретение письма является одним из важнейших факторов исторического процесса. Другим фактором, определяющим развитие просвещения, Татищев считает роль христианства. Вопросы о распространении христианства на Руси и посвященные следующие главы, основанные на данных как русских, так и иностранных памятников»²⁴. Об этом и даже еще более заострено пишет Ю.Н. Столяров: «Из трех “величайших” способов “всемирного умопросвещения” изобретение букв он считал первым и более важным, чем даже пришествие Христа, легенду о котором он ставил всего лишь на второе место. Третий “способ” вновь касался книжного дела (книгопечатание. – Д.Г.)... “Понеже письмо есть крепчайший памяти хранитель”, то небезразлично, где и когда возникла первая славянская азбука... В.Н. Татищев полагал, что славянскую азбуку изобрел учитель из Далмации (по другим данным, из Истрии – приуднайской территории) Герасим

(Героним, Иероним) (329–420) в пятом веке нашей эры. Эту азбуку употребляют южнославянские народы – “Славония, Далмация и прочие”. Ею напечатаны первые книги на территории нынешней Югославии... Татищев привел... факты публикации книг глаголицей в Венеции, Амстердаме и других городах. Часть этих книг Татищев видел в Берлинской и Копенгагенской королевских библиотеках. В одном из томов “Истории Российской” он приводит до десяти доказательств в пользу выдвинутой им гипотезы. Примечательно, в частности, что своими буквами Героним писал “многие книги”, причем не только духовные, но и мирские, что свидетельствует о довольно широкой распространенности глаголицы»²⁵. Вообще, В.Н. Татищев был далек от того, чтобы считать свои выводы и мнения безусловными или окончательными, в особенности относительно древнейшего периода. А.Г. Кузьмин говорит о «целом исследовании» В.Н. Татищева, посвященном истории славянской письменности²⁶.

В связи с родоначальниками так называемой «норманнской теории» Г.-З. Байером и Г.-Ф. Миллером, с которыми не соглашался М.В. Ломоносов, первостепенен вопрос о Миллере – как догадывается автор книги «Татищев», первое издание «Истории Российской» он осуществил по рукописям, принадлежавшим сыну Татищева. А.Г. Кузьмин пишет так: «... Миллер... сознавал себя российским ученым и являлся таковым на деле... Татищев... просит Шумахера ознакомить Миллера со своей “Историей”. Татищев оговаривается, что начало Руси он освещает иначе, чем Миллер. Но он “не хотел ни его порочить”, ни свой взгляд “более изъяснять”... Хотелось ему также, чтобы к этому делу приобщили и П.И. Рычкова, за принятие которого в академию Татищев не уставал просить до самой смерти»²⁷. Между прочим, профессора Г.-З. Байер и Г.-Ф. Миллер занимали некое промежуточное положение между двумя течениями внутри Российской академии наук – «радикалов» и «консерваторов»²⁸. В архивных «Портфелях Миллера», хранящихся в РГАДА, есть подготовительные материалы, рукописные копии «Истории Российской»²⁹. В связи с вопросом о роли Миллера в издании главного исторического труда Татищева важно наблюдение, которое принадлежит В.И. Пичете: «Труд Татищева был напечатан только после его смерти Миллером и при том с сокращениями. Сначала было издано 4 части (1768–1774). Последняя часть была издана Бодянским в Чт.[ениях] Общ.[ества] Ист.[ории] и Древн.[остей] Росс.[ийских] 1848 г. Современники Татищева рассматривали критические замечания и критическое отношение к источникам и фактам, как политическое и религиозное вольнодумство автора»³⁰.

Комментируя художественно-документальную работу А.Я. Гордина, в частности настойчивое стремление автора представить В.Н. Татищева прежде всего как историка, А.Г. Кузьмин замечает: «Дело в том, что он был не только историком, и для страны, может быть, важнее были его социально-политические, правовые и экономические идеи, которые многое могли бы подтолкнуть в развитии, если бы их удалось довести до широкого читающего круга. И, очевидно, не случайно был создан мощный заслон этим идеям и в правящих кругах, и в руководстве Академии наук»³¹. Татищев заявлял о широте и общественной заинтересованности трудящегося как главной предпосылке наиболее плодотворного труда. Безусловное экономическое поощрение всякой сверхурочной работы – один из главных принципов Татищева, шла ли речь о службе ад-

министратора, или судьи, или же о труде крепостных крестьян и работных людей. Как сторонник и в значительной мере представитель государственного порядка Татищев никогда не пренебрегает административными методами. Но они должны действовать все-таки лишь в том случае, если недостаточными или несостоятельными оказываются меры экономического характера»³².

Об известном антиклерикализме Татищева высказался В.С. Шульгин, который отмечает, что даже в сравнении с Ф. Прокоповичем «более последовательно... мысль о нейтральности религии по отношению к различным формам человеческого общения, иначе говоря, о секуляризации общественной и частной жизни выразил В.Н. Татищев. Он считал, что “разность вер великой в государстве беды не наносит”, а “распри” на религиозной почве “ни от кого более, как от попов для их корыстей, а к тому же суеверных ханжей или несмысленных набожников происходят. Между же людьми умными произойти не могут...”»³³. В другом месте В.С. Шульгиным сделан важнейший вывод: «Абсолютизм и его идеологи не только не могли вытеснить религию из сферы политического сознания, но и не хотели этого. Здесь мы имеем дело с вполне осознанным стремлением сохранить и использовать это тонкое и могущественное оружие для укрепления существующего строя. Антиклерикализм как идейное течение, направленное против претензий церкви на руководство обществом, вполне уживался с признанием важной роли религии в жизни страны. Сохранение религией роли важнейшего инструмента классового господства осложняло процесс секуляризации общественной жизни и культуры, делало его противоречивым»³⁴. Особенно важен тезис о «тонком и могущественном оружии для укрепления существующего строя», в нем можно угадать черты универсальности, присущей отнюдь не только рассматриваемой эпохе XVIII в. Это не стоит забывать в наши дни, дабы не укрепить фундамент для тех, кто желал бы перечеркнуть глобальную роль советского периода в истории нашей страны и двигаться к ревизии предшествующего строя. Не совсем понятно, в какой именно форме возможно подобное «возрождение». Стоит отметить, что если все-таки говорить о названном мощном средстве насаждения, консервации известной идеологии в отношении современности, то нельзя не обратить внимание на инерциальную природу явления. В отличие от исторического прошлого, задавшего эту инерцию, сегодня основания для сохранения ее с целью упрочения клерикализма могут иметь характер в лучшем случае чего-то искусственного, надуманного. Ценности наступившей информационной эпохи имеют отношение, прежде всего, к достоверной важной информации из надежных источников.

Немудрено, что труд Татищева по истории России встретил заслон еще со стороны церковников. Когда Василий Никитич в 1739 г. привез из Сибири в Петербург часть исторического сочинения, одни сразу стали критиковать его, по наблюдениям Кузьмина, «за тяжеловесность изложения», другие же увидели в работе «опровержение православной веры и закона». Примечательно прямое указание Ю.Н. Столярова на противоречия между Татищевым и некоторыми представителями церкви: «... заметим в скобках, что и православная церковь не простила ему слишком смелой по тем временам попытки примирить науку с религией, дать собственную трактовку некоторых положений христи-

анского вероучения и т. п., так что на склоне своей жизни он подвергся гонениям со стороны высшего духовенства и властей и окончил свои дни, находясь под домашним арестом в подмосковном имении Болдино (Дмитровский уезд)»³⁵.

Стоит обратить более пристальное внимание на тот с первого взгляда не-замысловатый факт, что автор привез свою рукопись из Сибири. У Н.Л. Рубинштейна приведены следующие данные, имеющие определенное историографическое значение: «За последнее время обнаружен ряд доселе неизвестных рукописей Татищева: “Описание Сибири”, “Примечания на книгу Стралленберга”, “Примечания на гл. 1-ю “Истории Сибири” Миллера”, “Введение к историческому и географическому описанию Великороссийской империи” и др. (в подстрочном примечании «Пользуюсь частным сообщением проф. А.А. Андреева, нашедшего эти рукописи», в инициалах Андреева опечатка – А.И. – Д.Г.). Многое, например, исторические карты, о составлении которых сообщает сам Татищев, до сих пор не найдено»³⁶. Кое-что в данном вопросе, в частности по поводу Стралленберга, можно встретить у И.М. Шакинко в его научно-популярной работе, посвященной жизни и творчеству В. Татищева: «С живейшим интересом следит он за работой Стралленберга над книгой о Сибири и чем может помогает ему»³⁷.

Судя по всему, именно с начала 1720-х гг. В.Н. Татищев начинает вплотную заниматься историей. Это могло совпасть с адресованным ему поручением заняться устройством уральских горных заводов в начале этого десятилетия, когда Василий Никитич был наделен широкими административно-хозяйственными полномочиями. Около 1720 или 1721 г. в Сибири у одного старообрядца он обнаружил летопись, несходную с той, которую ранее получил от Я.В. Брюса. «Эта разница текстов заставила Татищева, – пишет П.Н. Милюков, – искать других списков и заняться их сличением... В конце 1723 г. он уже опять едет в Петербург и поступает в Сибирский берг-амт. Вероятно, это было сравнительно удобное время для работы. В это время (1724), по понуждению Петра, напомнившего Татищеву о его проектах относительно русского “землемерия”, Татищев, действительно, снова принимается за собирание книг (“особенно до географии принадлежащих историй”) и подыскивание переводчиков»³⁸. Некоторую информацию об архивных материалах, связанных с Татищевым и Сибирью, можно перчерпнуть из современного справочника, ряд особенностей которого будет проанализирован далее. Это указания на различные рукописные фонды таких хранилищ, как Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Российская государственная библиотека (РГБ), Библиотека Российской академии наук (БАН), особенно Санкт-Петербургский филиал Института российской истории (Санкт-Петербургский институт истории) Российской академии наук (СПб ФИРИ РАН, колл. 115; 226) и Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПб ФА РАН, ф. 3; 21)³⁹. В двух последних архивохранилищах сохранились ответы на запросы В.Н. Татищева по сбору историко-географических и этнографических сведений в различных местностях в основном Сибирской и Казанской губерний (первая анкета 1734 г. – 82 вопроса, вторая 1737 г. – 198 вопросов). Полученная информация носила фактически официальный характер, так как заверя-

лась воеводами и канцелярскими служащими, хотя и не без некоторых сомнений насчет высочайшего одобрения и утверждения вопросников. «Из анкет видно, – полагает Е.Г. Шапот, – какое огромное значение Татищев придавал собиранию и правильному хранению архивных документов. Все исторические сведения Татищев просит собирать из местных архивов, указывая при этом, “из каких исторических или приказных писем известно, и для того нужно во всех городах древним письмам или архивам обстоятельный описи иметь и их в добром порядке для предка хранить, ибо из одного указа или записки разные люди могут по изъяснению гистории разные обстоятельства обрести и в общую пользу объявить, чрез что многие недознания изъясниться, а погрешности исправляться” (§ 3)»⁴⁰. Присланные на запросы Татищева ответы (большинство откликов на первую анкету дошло до нашего времени в копиях) по содержанию своему не равнозначны. «Некоторые из них, как, например, ответы из Илимска, Верхоленска, Тары, Тобольска, Томска, Кузнецка и других городов насыщены большим фактическим материалом и представляют огромный интерес, другие менее подробны и являются лишь формальными отписками»⁴¹. Е.Г. Шапот высоко оценивает значимость анкетных материалов В.Н. Татищева как исторического источника, считая, «что по истории Сибири XVIII в. источники еще мало выявлены и тем более опубликованы», что сообщает им особый статус⁴².

И.М. Шакинко приведена любопытная приписка Татищева в примечаниях на сочинение Миллера: «В примечаниях на сибирскую историю Г.-Ф. Миллера, написанных Татищевым в 1737 или в 1738 г., имеется довольно странная приписка. Он пишет о слухах, которые сообщают ему в письмах какие-то приятели: “...якобы мое сочинение Истории начали при Академии печатать и один англичанин точно о сибирской упомянул, что мне дивно явилось, ибо я хотя оную сочинял (выделено автором. – Д.Г.), но иным порядком и оную Академии (в) 1736 (году) сообщил. И в сей многие мои рассуждения находятся, однако же за мою почесть не могу...”. ...Значит существовала “История Сибири”... которую Татищев переработал... а главное, довел эту историю “до наших времен”, то есть по крайней мере до 30-х гг. XVIII в.»⁴³. В свете этих собранных воедино указаний обращает на себя внимание два следующих факта, приведенных А.Г. Кузьминым в книге «Татищев». Первый относится к 1721 г., когда В.Н. Татищев был в Тобольске и общался с губернатором А.М. Черкасским по поводу одного из местных заводов. Второй – ко времени около 1734 г., когда дочь Татищева Евпраксия была замужем за М.А. Римским-Корсаковым⁴⁴. Татищеву должно было быть известно, что некоторые представители родов Черкасских и Римских-Корсаковых имели отношение к летописанию. В современной литературе известны «Летописец Черкасских» (РГАДА, ф. 357, Саровское собр., № 274) и летописный свод, составлявшийся в конце XVII в. под руководством Игнатия Римского-Корсакова, митрополита Сибирского и Тобольского (Государственный Исторический музей, собрание И.Е. Забелина, № 263)⁴⁵. М.Я. Черкасский, который, судя по всему, приходился отцом А.М. Черкасскому, упомянут в записи во Вкладной книге рязанского Солотчинского монастыря 1690 г.⁴⁶ Запись говорит о книгах, и из ее контекста можно предположить, что М.Я. Черкасский и особенно его жена Марфа Яковлевна (в монашестве Досифея, сест-

ра солотчинского архимандрита Игнатья) могла быть не чужда, как и брат, интереса к книгам. Кроме того, в рассмотренном контексте заслуживает внимания следующее: приближенного в предшествующее время ко двору князя М.Я. Черкасского под конец века мы уже встречаем в качестве воеводы и не где-нибудь, а в Тобольске, в чине думного боярина. Кстати, в Тобольске он был со своим сыном П.М. Черкасским. Петру I из Сибири пришла, по наблюдениям М.М. Богословского, просьба о представлении воеводы и члена боярской думы к награде за службу. Автор приводит данные и о сибирском и тобольском митрополите Игнатии⁴⁷. Приведенные сведения в целом дают дополнительные основания полагать, что и по истории Сибири В.Н. Татищев мог иметь в своем распоряжении различные источники для написания исторического и географического труда.

Причины предвзятого и несправедливого отношения к историку XVIII в. некоторых современников станут еще более понятны, если обратиться к наблюдениям Кузьмина по поводу историко-философского труда Татищева под названием «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ»: «... за Татищевым тянулся шлейф подозрений в еретичестве и неверии... “Церковный”... закон, разработанный “властолюбивым” и “сребролюбивым” духовенством, лишается какого-либо самостоятельного значения и нуждается в строгой проверке с точки зрения соответствия его естественному и божественному законам... Татищев... в равной мере осуждает “избыточество и недостаток”... “Изнурение постом” может превратиться в социально опасное дело, когда от него страдают лица, ответственные за судьбу других людей... Татищев на стороне тех, кого обвиняют в атеизме... “От распрай в христианех науки стали оскудевать, что едва не повсюду науки нужные человеку погибли”... Таким образом, христианство, по Татищеву, лишь эпизод в познании нравственной стороны бога. Познание же божества в целом достигается наукой. Поэтому важнейшим рубежом в развитии человечества он признает книгопечатание... Татищев стремился прикрыть от критики со стороны клерикалов передовые теории соображениями о том, что богоугодным является все, открывающее истину... “Истинная философия в вере не токмо полезна, но и нуждна”... Запрещают языческие книги либо невежды... либо “злоковарные некоторые церковнослужители”. Именно они “для утверждения их богоопротивной власти и приобретения богатств вымыслили, чтобы народ был неученый... но слепо бы и раболепно их рассказам и повелениям верили”.

Церковники в знаниях видели источник ересей. Татищев же полагает, что большинство ересей происходит от невежества... Татищев убежден, что порядок зависит от уровня просвещения народа»⁴⁸. В этом же ранее, в последней четверти XVII в., был убежден другой русский просветитель Симеон Агафонникович (Сильвестр) Медведев, причем свое убеждение, по наблюдениям А.П. Богданова, он проводил в жизнь, встречая широкую народную поддержку, в результате был казнен⁴⁹. В сегодняшней российской действительности очевидна необходимость, опираясь на рационалистическую картину мира, стремиться к самостоятельной личностной оценке в отношении всех без исключения традиционных установлений и явлений общественного сознания. Мысли В.Н. Татищева и С.А. Медведева, А.Г. Кузьмина и А.П. Богданова, других исто-

риков-просветителей отличаются глубиной. Звучат они тем более актуально, что российскому обществу порой не хватает честного и непредвзятого исследовательского анализа важнейших исторических событий и явлений.

В свое время критикам А.Г. Кузьмина было трудно что-либо противопоставить его важнейшему источниковедческому наблюдению: «Пожалуй, не было лишь одного упрека – в отсутствии добросовестности. Никто из современников и ближайших последователей В.Н. Татищева не сомневался в его авторской честности»⁵⁰. Видный историк конца XVIII в. И.Н. Болтин более чем доверительно воспринимал труд В.Н. Татищева, что видно из многочисленных наблюдений Д.Н. Шанского: «Болтин разделял во многом те критерии достоверности известия, которые были выработаны его предшественниками. Особое значение в этом сыграло знакомство ученого с трудом В.Н. Татищева. Наиболее “элементарный” критерий, в соответствии с которым то или иное известие может претендовать на достоверность, – его наличие в каком-либо источнике. Это относится не только к письменным источникам; таким источником может быть и устная традиция, “самовидение” или свидетельство “самовидца” и проч.»⁵¹. Одним из рецензентов книги о И.Н. Болтине, подготовленной в издательстве Московского университета, является А.Г. Кузьмин.

В вымыслах и подлогах одним из первых В.Н. Татищева обвинил Н.М. Карамзин (вслед за А.-Л. Шлецером). Этот официальный «историограф» абсолютистской монархии работал с источниками в основном в столичных хранилищах и собраниях. Однако он, видимо, не учел или, скорее, не захотел учесть, что его оппонент из прошлого, в отличие от него самого, был вынужден работать с летописными первоисточниками по преимуществу на периферии, контактируя главным образом с частными лицами, в первую очередь в Казани, Астрахани, на Урале и в Сибири. В отличие от Н.М. Карамзина два других крупных историка XIX в. – С.М. Соловьев и К.Н. Бестужев-Рюмин – позитивно оценивали исторический труд В.Н. Татищева.

Тезис об официальном «заслоне» по отношению к некоторым идеям Татищева, имевшим отношение к социальной справедливости, кому-то может показаться натяжкой или даже выдумкой. Однако факты, в том числе общеизвестные, свидетельствуют о другом. Нарождавшаяся структура Академии наук, да и активно формировавшаяся тогда же сеть учебных заведений (например, Московский университет), активная просветительская деятельность отдельных лиц, например Н.И. Новикова, выступавших с различными типографскими инициативами, создавали условия, действительно позволявшие достаточно широко, по сравнению с предшествующим XVIII столетию временем, доносить те или иные идеи до сведения читающей публики. Концентрировалась последняя отнюдь не только в столицах. Это особенно относится ко второй половине века⁵². Именно в то время еще «молодой» российский читатель необычайно жаждал «соучастия», «сотворчества» в деле формирования исторических знаний о древней и новой России. Об этом говорит повсеместное появление исторических трудов в провинции во второй половине XVIII в., что выявлено на уровне явления провинциальной культуры и объективно показано в рамках докторской диссертации в монографии А.А. Севастьяновой⁵³. Поразительно, что, несмотря на существовавшие исключительно благоприятные ус-

ловия (стабильно неблагоприятными были лишь политico-идеологические установки), «История Российской» Татищева, судя по всему, так и не дошла в XVIII в. к сколько-нибудь широкому читателю, российскому, а тем более иностранному (заграничному). К искоренению широко распространенных баснословных представлений о русской истории автор XVIII в. стремился всемерно, о чем говорят его планы перевода труда на европейские языки.

Интересная исследовательская проблема может открыться из сопоставления данных о внимании местных авторов к истории российской провинции во второй половине XVIII в. с оценкой мнения Х. Роггера о причинах некоего «забвения» В.Н. Татищева в XVIII в., во всяком случае, если рассматривать известный отрезок времени, начиная со второй четверти столетия. На мнение американского автора обратил внимание М.А. Алпатов: «Автор говорит о добросовестности Татищева в воспроизведении источников, которая, по мнению Роггера, оттолкнула от него читателя XVIII в., подходившего к историческим сочинениям с литературной, а не научной точки зрения»⁵⁴. По-видимому, здесь скрыто определенное противоречие, которое относится не только к современной историографии. Оно могло иметь место в прошлом, не будем забывать об особенностях исторического развития России во второй четверти рассматриваемого столетия. То время могло быть одним из последних серьезных напоминаний об уходившей эпохе «литературного» во многом развития средневековых исторических представлений (далеко не баснословных в своей основе). Это должно было быть как-то связано с тем общим откатом, которого не могло не последовать за эпохой преобразований и потрясений петровского времени.

В связи с В.Н. Татищевым имеет смысл кратко проанализировать современное справочное издание по истории исторической науки под названием «Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 1: XVIII век». В этом архивоведческом библиографическом пособии помимо указаний на архивные материалы имеются и достаточно подробные указания на литературу о том или ином историке, причем со специальным разделением на литературу о библиотеке, об архиве, о публикациях трудов автора и о самом историке. В статье о В.Н. Татищеве два последних подраздела отсутствуют. Для сравнения, о М.В. Ломоносове (как историке) и о Г.-Ф. Миллере, как, впрочем, и обо всех других известных историках XVIII в., такие разделы имеются, причем в нескольких случаях весьма солидные. Если подходить к названию данного издания сугубо формально, нельзя не признать, что последние подразделы следовало бы признать излишними по причине их отношения не к рукописной форме текста (личные, архивные материалы и фонды), а к печатной, к публикациям. Но в таком случае они вообще излишни. Имеется пояснение составителей справочника во вступительной статье: «В тех же случаях, когда есть исчерпывающая библиография (В.Н. Татищев), авторы ограничиваются ссылкой на нее, не считая нужным ее дублировать. Но это касается, естественно, наиболее крупных ученых. У малоизвестных авторов, не имеющих изданной библиографии, учитываются все печатные работы»⁵⁵. Речь идет не о дублировании собственной информации, специально это не оговаривается. Не мешало бы более четко разъяснить принцип, важный с точки зрения методо-

логии подачи материала. Вместо этого приходится иметь дело с мастерски помещенным в контекст указанием на «наиболее крупных ученых».

Имеется в виду, скорее всего, помещенное в подразделе «Библиография» название: «Библиография произведений В.Н. Татищева и литературы о нем / Сост. В.С. Архангельский и др. [Государственная архивная служба РФ]. М., 1995». Помимо всего прочего, качество и полнота этой библиографической работы не оцениваются, и читателю о сем остается лишь гадать. Отличный от общего уровень обобщения библиографической информации, переход на который возник в издании в связи с именем Татищева, явно бросается в глаза. Определенную логику, конечно, в рассмотренной библиографии по XVIII в. заметить нетрудно, но продемонстрированный подход авторов слабо увязывается с заявленным в названии характером обобщающего справочного пособия по истории исторической науки. Отсутствие заметной доли существующей в науке библиографической информации – явное упущение, особенно если составители претендуют на более или менее полный охват историографического пространства того или иного периода (в данном случае XVIII в.). Посему обязательно нужно было бы перечислить главные работы, посвященные В.Н. Татищеву.

Обращает на себя внимание тот факт, что наряду с упоминанием в подразделе «Литература об архиве» работы С.Л. Пештича «Русская историография XVIII в. Л., 1961. Ч. I» (С. 263–275) почему-то ничего не сказано о каких-либо специальных работах этого же автора, в том числе о его диссертационном исследовании, имеющем отношение к затронутой теме о Татищеве и приведенной в его труде исторической информации (во всяком случае, указания на авторефераты специальных исследований были бы нeliшни). Кроме того, в приведенной цитате наблюдается смешение понятий – печатные работы историка XVIII в. и литература о нем.

С справочное издание не попала ни одна из работ А.Г. Кузьмина о В.Н. Татищеве. Тот факт, что автор вынашивал замысел книги на протяжении не одного десятилетия, в библиографическом издании не нашел ни малейшего отражения. Фамилия Кузьмина отсутствует в именном указателе. Подобное невнимательное, даже граничащее с неуважительным отношение к имени ученого заметно в работе А. Толочки⁵⁶. В справочном издании не упомянута книга о русской провинциальной историографии второй половины XVIII в., во всяком случае, если руководствоваться в этом издании тем же именным указателем. Не отмечены авторы, которые в не меньшей степени, чем перечисленные С.Н. Валк, Е.М. Добрушкин, А.И. Юхт, В.С. Астраханский, А.Б. Каменский, С.П. Луппов, занимались в разное время изучением наследия Татищева, а именно: К.Н. Бестужев-Рюмин, И.П. Сенигов, А.И. Андреев, академики М.Н. Тихомиров и Б.А. Рыбаков, да и другие известные ученые. Не совсем ясно, для профессионального ли историка или для широкого читателя предназначен справочник. Во всяком случае, составители должны были руководствоваться какими-то критериями при определении потенциального читателя, маловероятно, чтобы они не задумывались об этом.

«Молодые» силы из лагеря бескомпромиссных критиков взглядов, а точнее, статуса Василия Никитича Татищева в русской историографии и в наши

дни неустанно работают над стратегиями «критического» действия. В этом смысле примечательна уже упоминавшаяся работа А. Толочко. В ней четко ощущается «идейное» влияние позиции С.Л. Пештича, одного из наиболее известных «демистификаторов» Татищева (если пытаться развивать терминологические новации Толочко). В свое время Пештич посвятил специальные усилия для решения такой далекой от созидательности задачи, как обвинения крупного историка XVIII в. в подлогах и сочинительстве, в фальсификации истории. Однозначный подход к оригинальному наследию В.Н. Татищева продемонстрировал в своей диссертационной работе и Е.М. Добрушкин, поднимая на щит так называемый принцип «презумпции подложности»: «...увлеченные спорами о достоверности “татищевских известий”, ученые проходили мимо... важного... вопроса... как именно создавал историк свои известия»⁵⁷. По наблюдениям А.Г. Кузьмина, автор не удосужился доказать прежде, что В.Н. Татищев их собственно создавал, а не заимствовал из источников.

В смысле оценки подхода С.Л. Пештича к научному наследию В.Н. Татищева в области русской истории нельзя согласиться с мнением Л.В. Черепнина. По той или иной причине ученый заявил, что «почему-то одним из читателей книги С.Л. Пештича – А.Г. Кузьминым его оценка источниковедческих приемов Татищева была воспринята как взятие под сомнение “честности” и “добросовестности” знаменитого историка. И в этом весьма субъективном плане Кузьмин взял Татищева под защиту. Думается, что подобную позицию можно объяснить только недоразумением, ибо С.Л. Пештич отнюдь не пытается опорочить Татищева и говорит не о его личных качествах, а о распространенных приемах, характерных для историографии его времени»⁵⁸. Мнение это зафиксировано в посмертной публикации сборника работ академика Л.В. Черепнина.

Любопытно сопоставить тезис о «приемах, характерных для историографии его времени», с замечанием В.И. Корецкого по поводу некоторых аспектов источниковой базы историка XVIII в.: «В стремлении же прояснить причины и последовательность событий, внести элементы научной критики, особенно заметные в комментариях к законодательным памятникам, приблизить источник к своему читателю проявляется уже историк. Но пересказывая летопись Иосифа своими словами, прослеживая причины и следствия, делая подчас свои умозаключения, Татищев, как это удается проверить с помощью современных актовых, делопроизводственных и других материалов, факты не выдумывал, а черпал их целиком из своего источника... Становится понятным, почему В.Н. Татищев, располагая летописью Иосифа, не отстранил Новый летописец: охват событий в нем был шире. Но когда речь шла о глубине, о проникновении в самую суть происходившего, В.Н. Татищев отдавал решительное предпочтение “Истории” Иосифа»⁵⁹.

О добросовестности Татищева как историка свидетельствуют разыскания А.В. Арциховского, посвященные миниатюрам Кенигсбергской (Радзивилловской) летописи: «При просмотре миниатюр легко заметить повторяемую индивидуальность черт лица некоторых князей (далеко не всех). Подлинные их физиономии не известны за немногими исключениями. У В.Н. Татищева сохранились описания наружности некоторых князей, что вместе с многими бо-

лее важными сведениями почерпнуто из использованных им и позднее исчезнувших летописей. Многие кенигсбергские миниатюры оказались довольно точными иллюстрациями этих описаний»⁶⁰. Б.А. Рыбаков в рецензии на книгу А.В. Арциховского отметил этот момент совпадения визуальных данных миниатюр и текстовых данных Татищева, как имеющий «совершенно особый интерес»⁶¹.

А.М. Сахаров выражает убежденность: «... М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков и другие ученые решительно отвергают самую возможность сознательной фальсификации источников Татищевым. Татищев действительно стремился сделать свой текст понятным для современников и поэтому иногда адаптировал текст источника к языку XVIII в., разъяснял этот текст, но он никогда ничего не фальсифицировал, никогда не только не придумывал “полезных” для его взглядов сведений в прошлом, но даже не замалчивал, не опускал таких сведений, которые были ему “невыгодны”»⁶². Наиболее законченный вид, по мнению Ю.А. Мамаевой, имеет вторая часть «Истории» Татищева, включающая как текст на «древнем наречии» (древнерусский язык, оригинальный язык летописных памятников), так и переложение на язык XVIII в. Автор замечает, что эта часть «знаменательна еще и тем, что в дополнении к ней Татищев составил примечания, где дает комментарии к тексту, которые составляют приблизительно пятую часть написанного»⁶³. У современного автора обращает на себя внимание следующий тезис: «Многие авторы забывали о том, что добросовестность и достоверность его сведений не одно и то же»⁶⁴.

В вопросе о стилях и примечаниях В.Н. Татищева заслуживают исследовательского внимания наблюдения Н.Л. Рубинштейна: «... летописному своду в “Истории” Татищева сопутствует, однако, и свой авторский текст, заключающий анализ и частично критику материала, а для этого на данном этапе требовалось еще и формальное ее выделение: авторская работа Татищева перенесена в примечания. Татищев не успел снабдить примечаниями весь текст своей “Истории”. В издании Миллера примечания даны лишь к двум томам “Истории” (до татарского нашествия); по сведениям Миллера, Татищевым были составлены также примечания к III тому, но, очевидно, не уцелели.

Примечания – памятник большой научной работы Татищева; в тексте примечаний нашли отражение те основные вопросы, которые были поставлены Татищевым в его “Введении”. Это прежде всего – реальный комментарий к тексту, подобный тому, которым сопровождались и подготовленные Татищевым к печати юридические памятники. Это – комментарий географический, хронологический, генеалогический; здесь и анализ исторических терминов и институтов, упоминающихся в тексте. Новым дополнением являются специальные источникovedческие и, так сказать, историографические примечания»⁶⁵. Стремясь более четко обозначить и охарактеризовать научный подход Татищева, Рубинштейн в другом месте замечает: «... Татищев черпает материал для комментариев в русских источниках, в их взаимном сопоставлении. В связи с публикацией Русской Правды Татищев впервые отметил сложный состав ее краткой редакции, первые 17 статей которой он считает более древними, чем вторая часть, и полагает, что она относится к VIII или IX в.; он ссылается при этом на стиль и терминологию этой части Русской Правды»⁶⁶.

Принципиальное значение для правильного понимания всей значимости источниковой базы главного исторического труда В.Н. Татищева имеют разыскания крупнейшего советского ученого академика М.Н. Тихомирова, школу источниковедческого анализа которого в свое время прошел и А.Г. Кузьмин. Е.В. Чистякова предметно анализирует ряд тихомировских оценок татищевского наследия: «Так, он установил, что Татищев пользовался материалами архивов Казани и Астрахани, не сохранившимися до нашего времени. И этот факт придает первым двум томам “Истории российской” Татищева значение первоисточника...»

Большой заслугой Татищева Тихомиров считал обнаружение им Русской Правды и Судебника 1550 г. и подготовку этих важнейших источников к печати.

Тихомиров не переоценивал степень достоверности всех известий в труде Татищева, а, наоборот, призывал к критическому восприятию их, но при этом отмечал, что “возможность ошибок, недомолвок, описок и просто неверных выводов не исключена для любого произведения”, тем более написанного двести лет назад. Признавая огромную роль трудов Татищева, Тихомиров был далек от их идеализации... Прогрессивность... его взглядов Тихомиров усматривал в том, что им “впервые в русской историографии исторические явления были поставлены в связь с общественно-политическим устройством, стали получать рационалистическое объяснение”. Труд Татищева Тихомиров ставил очень высоко»⁶⁷.

В вопросе о внимании историка второй четверти XVIII в. к Русской Правде и Судебнику 1550 г. любопытно еще и то, что в рассматриваемое время Татищевым была предложена возможность выделения промежуточных звеньев этих законодательных памятников – законов «по княжениям» (Василия Темного, Ивана III). Позднее сходную гипотезу о Судебнике Василия III сформулировали известные археографы первой четверти XIX в. К.Ф. Калайдович и П.М. Строев⁶⁸.

В вопросе об использовании В.Н. Татищевым архивных материалов Казани примечательно следующее. На факт знакомства историка с какими-то казанскими материалами при упоминании посланного Иваном III во время «стояния на Угре» в тыл Ахмед-хану отряда касимовских татар и русских под командой Нур-Даулета и воеводы кн. В. Ноздреватого Звенигородского (об этом событии московские летописи умалчивают) указывает А.А. Шенников, хотя в важной детали и не доверяющий, в отличие от В.В. Каргалова, известию Татищева по причине существенного расхождения его данных с данными «Казанской истории» второй половины XVI в.⁶⁹

Следует отметить, что так же, как и М.Н. Тихомиров, в смысле методологических оценок и подходов А.Г. Кузьмин критически подходил к труду В.Н. Татищева⁷⁰. Это видно из сопоставления двух отрывков в еще одной работе историка. «На становление летописеведения огромное влияние оказал Татищев. Летописание представлялось ему единственным вековым древом. Первым летописцем он считал Нестора, кончившего свой труд в 1093 г. Затем летописанием занимался Сильвестр (до 1116 г.). До 1156 г. летописное дело как эстафета передается из рук в руки, а затем разветвляется, давая самостоятельные по-

беги. Татищев, правда, допускал, что “во всех славянех гораздо ранее гисторики были да пропали или дополнители исправя и дополня своими именовали”. Но эти мысли не были им развиты (хотя находка Иоакимовской летописи, которую он признавал древнейшей, и побуждала к этому)»⁷¹. «В сущности, только формальный подход к летописям как к оторванным от жизни литературным сочинениям мог породить взгляд на них как на единое дерево. Признание же факта публицистичности летописцев, политической заинтересованности и авторов, и читателей исключает самое возможность существования однозначной исторической письменности. Ведь если Всеиволодовичи (Владимир Мономах, например) стремятся провести через летописи свою версию событий, не смущаясь очевидными подтасовками, то трудно себе представить, чтобы со-перничавшие с ними Изяславичи и Святославичи не пытались хотя бы оборо-няться... Промономахова редакция Начальной летописи получает распространение в тех центрах, где правят потомки Мономаха. Особый материал Длуго-ша и Татищева в какой-то мере связан с самостоятельным летописанием Рос-тиславичей Галицких»⁷². Однако в наблюдении о «едином вековом дереве» в летописеведческих представлениях Татищева и о взгляде на летописи «как на единое дерево» в качестве первопричины формального подхода нет серьезно-го противоречия, если подходит к проблеме хронологически дифференциро-ванно. На том этапе историографии, который пришелся на век Татищева, сис-тематизация и некое обобщение, усматриваемые в попытке дать общую схему древнейшего летописания, были шагом вперед. В конце же XIX–XX в., когда историческая наука прошла определенный путь развития, сопровождавший-ся, наряду со многими обобщениями, значительным приростом историческо-го знания, в том числе из внелетописных его источников, которые помогают при внутренней критике, то есть при анализе летописного материала, пред-ставление о едином летописном древе было уже шагом назад.

В трех предложениях профессором А.Г. Кузьминым сформулирована це-лая программа необходимого качественного усложнения задачи современного летописеведа (историка и текстолога в одном лице). Подобный подход был закономерным результатом интенсивного развития советского источникове-дения. С изданием основного корпуса летописных источников возникновение необходимого нового знания стало возможно, прежде всего, на основе новых, более многоплановых прочтений известных текстов. Мысли летописеведа со-храняют актуальность в современных условиях. «Таким образом, как и при работе с другими источниками, форма и содержание летописей не могут отры-ваться друг от друга без серьезного ущерба для того и другого. Изучение их не может вестись по этапам, когда осмыслению текста предшествует его восста-новление по формальным признакам. Задача восстановления может быть по-ставлена лишь при обязательном учете конкретного исторического смысла изучаемого материала»⁷³. В смысле приоритета анализа содержания летопис-ных произведений над анализом сравнительно-текстологическим, имеющим дело главным образом с такими вещами, как списки, протографы, редакции, стеммы, своды, показательна полемика между М.Н. Тихомировым и Д.С. Лихачевым по поводу древнейших этапов русского летописания, что отмечено А.Г. Кузьминым: «Позднее М.Н. Тихомиров, полемизируя с Д.С. Лихачевым,

отнесшим начало летописания “даже ко второй половине XI столетия”, указал, что при таком подходе сведения о X – первой половине XI в. придется признать недостоверными. Между тем он находил их вполне достоверными, и это обстоятельство побуждало его искать следы летописания в гораздо более раннее время»⁷⁴. Предостеречь от восприятия спора крупнейших представителей двух направлений в науке изучения летописей как сухо академического и не связанного ни с чем, кроме летописей как таковых, помогает другое ценное замечание А.Г. Кузьмина: «Летописи – важнейший источник по общественно-политической истории Древней Руси. От объема извлеченной из них информации зависит уровень сведений о первых веках русской истории, а также оценка многих внелетописных памятников. Проблема Татищева – это в первую очередь проблема понимания характера и содержания древнерусского летописания. Передатировка и переосмысление памятников письменности неотделимы от пересмотра соответствующего летописного материала. Естественно поэтому особое значение методологии изучения летописей для исследования всей древнерусской письменности»⁷⁵.

В области методологии изучения древнерусского летописания А.Г. Кузьмин обращает внимание у М.Н. Тихомирова на вывод, к которому, как уже было показано, В.Н. Татищев приближался: «... летописные своды были не начальной, а заключительной стадией исторических обобщений, которым предшествовали записи об исторических событиях и отдельные сказания»⁷⁶. В отличие от академика Д.С. Лихачева такой подход разделял академик Б.А. Рыбаков, также сам А.Г. Кузьмин, отчасти и А.Н. Насонов.

Суть проблемы можно четко уяснить на примере рассмотрения А.Г. Кузьминым авторского метода крупнейшего филолога и летописеведа-текстолога академика А.А. Шахматова. К слову сказать, его обширное летописеведческое наследие А.Г. Кузьмин последовательно призывал оценивать критически, а не догматически, тем более, если не забывать, что сам автор вполне осознавал необходимость дальнейшей работы над методологией воссоздания истории древнерусского летописания, вероятность и необходимость уточнений и дополнительной разработки научной картины развития исторической мысли в наиболее ранние периоды. Осознавал, да, но в связи с большой научно-организационной работой, прежде всего в структуре Академии наук, академик А.А. Шахматов имел в конце жизни сравнительно ограниченные возможности по перестройке первоначально выработанной им схемы. Нельзя не отметить в связи с этим, что еще в 1912 г. на одном из заседаний Археографической комиссии АН он заявил о насущной необходимости изучения рукописных материалов В.Н. Татищева⁷⁷. На взвешенно-критическое отношение со стороны самого учёного к предложенной им схеме реконструкции древнерусского летописания обращается недостаточное внимание, что в известном смысле объяснимо. Итак, вот о чём пишет Кузьмин: «Шахматов, как отмечалось, смотрел на все летописание как на единое дерево. Этим объясняется та настойчивость, с которой он стремился соединить в каких-то общих недоделанных сводах тот материал, для которого как будто не находилось места на этом дереве. А такого материала оказывалось много. Иногда слишком много. Значительная часть летописных сводов XV–XVI вв. вообще не давала заметных следов их связей с предше-

ствующим летописанием. Отсюда у последователей Шахматова возникли расхождения в отношении к этому материалу. Необходимо было либо скорректировать взгляд на самое летописание, либо считать эти оригинальные тексты или сведения позднейшим изобретением, не имеющим значения источника по описанной эпохе.

Достоинства и недостатки такого однопланового подхода наглядно проявились в изучении так называемых “татищевских известий”. Текстологическое изучение “Истории Российской” позволило С.Л. Пештичу выявить ряд этапов в создании этого труда... Начальную часть он сопоставлял по изданию “Повести временных лет” (1950), где не учтены многие разнотечения даже из основных списков, обычно привлекаемых для характеристики этого памятника (например, Хлебниковский список Ипатьевской летописи)... Все, что отсутствует в “Повести временных лет” издания 1950 г., признавалось выдумкой самого Татищева...»⁷⁸. «... Пештичу неоднократно возражали, указывали, в частности, на главный порок его построения: он сравнивал “Историю” Татищева с Лаврентьевской и Ипатьевской летописями, которых у Татищева заведомо не было. Зато в числе источников у Татищева выявляется летопись более исправная, нежели Ипатьевская»⁷⁹.

«Критики “Истории” Татищева... практически в любых изменениях им текста своего сочинения (в частности, в изменениях, вносимых во вторую редакцию по сравнению с первой) видели “фальсификации”, – отмечает А.Г. Кузьмин⁸⁰. «Татищев в значительной мере оказался жертвой текстологии. “Скептики” сопоставляют разные редакции его труда, отмечают дополнения и изменения и почему-то делают вывод о “сочинительстве”, “стилизации” и т. п. Самый факт наличия оригинального известия у Татищева уже оказывается достаточным свидетельством против него... Если говорить о “татищевских известиях”, то “скептики” в их отношении лишь ставят вопросы, а “антискептики” на них отвечают. Сами скептики не пытаются найти параллели для “татищевских известий”. Более того, они не слишком тщательно проверяют даже активно используемые летописные тексты. А тем временем шаг за шагом все более и более отыскиваются параллели для многих ранее уникальных татищевских сообщений. Количество таких “открытий” настолько велико, что можно только удивляться упорству “скептиков”»⁸¹.

А.Г. Кузьмин обращает внимание на то, что посвятивший источниковедческому разбору труда историка XVIII в. специальную работу И.П. Сенигов пришел к важному выводу (по поводу так называемой второй редакции татищевского труда, относящейся, скорее всего, ко времени после 1739 г.): «... “тенденциозность” В.Н. Татищева выражается лишь в сокращении известий клерикального характера. “Быть может... найдется изобретательный критик, который в этих опущениях усмотрит намеренное искажение фактов русской истории, но мы решительно отказываемся... произвести такой приговор над первым русским историком”»⁸². Что-то должно было измениться, в частности в начале XXI в., если мы имеем такие условия, что подобных критиков искать – дело, собственно, излишнее. То есть далеко за примерами ходить не придется.

Оказать помочь в оценке приведенных общих текстологических наблюдений над переделанным текстом могут, например, данные Н.Л. Рубинштейна:

«... труд Татищева не получил своего признания. В его научно-исторических взглядах, исходивших из европейского рационализма, усмотрели критику исторических представлений, утвержденных традицией и освященных церковным авторитетом, посягательство на авторитет церкви и распространение атеизма. В предисловии к первому тому “Истории Российской” Татищев с горечью вспоминает об этой критике; по совету друзей он постарался устраниТЬ наиболее уязвимые места, обойти их молчанием. Но и это не помогло»⁸³.

Трудно согласиться с П.Н. Милковым, когда он начало работы Татищева над второй редакцией ставит в непосредственную связь не с собственно «нареканиями» за религиозное и политическое вольнодумство, не со смыслом, который за этим стоит, а лишь с тем, что с определенного момента «Татищев стал склоняться к мысли перевести свою “Историю” на иностранный язык и издать где-нибудь за границей»⁸⁴. Вопрос, скорее, не во внешней стороне дела. Уместно будет вспомнить здесь о татищевском видении общего исторического процесса. Размышления М.А. Алпатова об одной из важных сторон подхода В.Н. Татищева к историческому материалу могут многое дать в прояснении затронутого частного вопроса в том числе: «Причина, которая понуждала Татищева с такими усилиями и удивительной настойчивостью изучать чужестранный исторический материал, вытекала из самого подхода Татищева к истории России – он мыслил ее только на фоне и в связи со всемирной историей... прежде всего, концепция мировой истории, та историческая теория, без которой он не представлял себе историка»⁸⁵.

Не исключено, что с затронутым И.П. Сениговым и Н.Л. Рубинштейном вопросом может быть связан вопрос об исчезновении, возможно, действительно существовавших примечаний автора к третьему тому своего труда, упоминаемых Миллером, а также вопрос о том, какие именно моменты не устраивали церковников в первоначальном варианте и должны были частично выпасть, соответственно, из второй редакции, в известном роде адаптированной. В свете этого принципы тех «научных критиков» «Истории» Татищева, которые базируются на сопоставлении редакций одного и того же труда, должны быть отнесены к формальному подходу и признаны настоящим иезуитством, если отмеченный у названных исследователей момент, объясняющий существование двух редакций, не поясняется прямо, но имеется в виду.

Во всяком случае, все это лишний раз убеждает, что проблема «Татищев и церковники» имеет значение как для понимания особенностей биографии историка, так и для уяснения некоторых важных содержательных деталей его исторического труда. Скорее всего, названный вопрос еще ждет своего усидчивого исследователя.

Авторы, не принимающие в расчет представления о специфических историографических условиях появления первого обобщающего труда по истории России (стык эпох летописания и летописеведения, к которому следует подходить особенно внимательно и осторожно с точки зрения представления о соблюдении баланса традиции-прогресса), кроме всего прочего, по сути дела отрицают реальность многоступенчатой работы историка над текстом. Более чем жестко сужается возможность корректировки концепции исторического труда. Ярко выраженный формализм такого подхода в лучшем случае может

базироваться на идеальном представлении о творческой лаборатории историка, при котором не учитываются факторы «сопротивления» среды, исторической эпохи и степени интенсивности объективных требований и запросов соответствующего исторического периода.

Много важного и позитивного о Татищеве как историку и одновременно продолжателе традиций русских летописцев можно обнаружить в перекликающихся с летописеведческими наблюдениями А.Г. Кузьмина обзорных замечаниях В.И. Буганова: «В.Н. Татищев первым из русских историков, сравнивая между собой тексты различных списков летописей и отмечая их противоречия, разнотечения, положил основание их критическому анализу. Он отдельял в летописях достоверные данные от вымысла, выделяя в них народные сказания, позднейшие насложения, приписки»⁸⁶.

Более чем убедительно мнение А.Л. Шапиро, автора последнего наиболее серьезного обобщающего исследования по русской историографии с древнейших времен: «С.Л. Пештич, которому принадлежит заслуга критического изучения редакций “Истории Российской”, писал, что “произвольная интерпретация” фактов Татищевым “ничем практически от фальсификации не отличается” (Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Ч. II. Л., 1965. С. 161). Вряд ли с этим можно согласиться. Фальсификатор осознает, что он подтасовывает факты и прилагает усилия, чтобы данная подтасовка не была замечена другими. Ученый же, который так или иначе интерпретирует факты, убежден, что его интерпретация приближает к пониманию истины. Это далеко не одно и то же»⁸⁷. А.Л. Шапиро присоединился, пусть и достаточно сдержанно, все же просто к исследователям, а не скептикам-«демистификаторам» татищевского наследия.

В настоящее время наблюдается существенная корректировка направления огульной критики, что на примере работы Толочко заметно, в частности, в стремлении показать, что никаких уникальных «известий Татищева» в исторической науке не существует, что если не все, то подавляющее большинство его данных могут быть возведены к текстам летописей, известных в современных хранилищах. Это звучит малоубедительно у автора потому, что отнюдь не подталкивает его к отходу от обвинений историка XVIII в. в подлогах и вымыслах, а, наоборот, странным образом усугубляет обвинения. Любопытен такой «всплеск» авторской мысли: «Задача, таким образом, состоит в том, чтобы отыскать теоретическое объяснение именно подобного рода “бессистемным” известиям, попытаться найти “метод в этом безумии”»⁸⁸.

Волонтаристскому современному подходу можно противопоставить, в частности, мнение В.И. Буганова: «Современные исследователи высоко оценивают вклад Татищева в летописеведение. Особенно важно отметить тот факт, что в его основном труде – “Истории Российской” – использовано большое количество русских летописей, в том числе тех, которые были известны ее автору, но не сохранились к настоящему времени. В ряде случаев выясняется, что показания не дошедших до нас летописей, которые использованы Татищевым, подтверждаются данными других, сохранившихся, источников... нельзя не согласиться с мнением Д.С. Лихачева о том, что заслуги Татищева “в истории изучения русского летописания огромны и еще недостаточно оценены”. Не менее показате-

лен вывод М.Н. Тихомирова: в некоторых отношениях суждения, построения Татищева «более близки к нашему времени, чем систематический труд А. Шлепцера»⁸⁹. Доверительное отношение к Татищеву продемонстрировал и академик Б.Д. Греков, когда, по словам Кузьмина, сомневаясь в том, что соха могла быть «представлена двумя работниками», все же заметил, что, «конечно, Татищев не выдумал здесь сохи, а взял ее из летописи, до нас не дошедшей». В том месте, где речь идет о татарской переписи 1275 г. у Татищева указано, что дань брали «по полугривне с сохи, а в сохе числиша 2 мужи работни»⁹⁰.

Имеет смысл очертить узловые моменты в «критическом» восприятии исторического труда Татищева на протяжении XVIII–XXI вв. Сначала исследователь имеет дело с обвинениями Татищева в малообразованности, а также упреками в тяжеловесности текста. Далее в историографии появляются заявления о выдумках Татищева. Позднее автора упрекают в пристрастных сокращениях, причем выясняется, что это в основном тексты клерикального характера. Вслед за текстологическими «атаками» на две редакции одного и того же труда «мистификациями» у особо рьяных авторов объявляются так называемые «татищевские известия», отрывки из не сохранившихся до наших дней или пока не обнаруженных летописей. Один только факт наличия признаков структурной изменчивости в выпадах воинствующих оппонентов крупнейшего отечественного историка свидетельствует о неустойчивости логической основы «скептического», «демистификаторского» направления источниковедческой критики «Истории Российской».

Обращает на себя внимание современная книжная серия, посредством публикации книги А. Толочко возобновившая непримиримую историографическую традицию. В состав редакционной коллегии серии «Historia Rossica» входят: Е. Анисимов, В. Живов, А. Зорин, А. Каменский, Ю. Слезкин, Р. Уортман. Автор книги о главном историческом труде В.Н. Татищева упоминает в предисловии, что обсуждение его труда, в частности, в Институте истории Украины НАН Украины выявило достаточно сдержанное к нему отношение.

В работах А.Г. Кузьмина, как и в публикациях других добросовестных ученых, существенно важно доверие к историку. Кузьмин нисколько не сомневается в исследовательской порядочности первого крупного историка России. На научном доверии между исследователями, работавшими в прошлом, оставившими потомкам свои научные труды, и работающими в настоящем, также готовящими и выпускающими в свет статьи и книги, можно теоретически выстраивать динамическую модель развития научного знания в противовес статической. На последней стоит остановиться немного подробнее, дабы обрисовать хотя бы отчасти те «явления» современности, которые, прямо скажем, заоряют многие издания.

Суть условно обозначенной в качестве статической исследовательской модели выражается в недоверии к концепциям, основанным на тех или иных традициях. Одновременно, как представляется, для этой «модели» характерна вера в необходимость выработки собственных концептуальных построений, а также мнимо или реально фанатичная убежденность в необходимости коренной переоценки старых схем. Известно, что даже такой крупный источникoved, как С.Б. Веселовский, некоторое время по определенным причинам недо-

статочно предметно соприкасался с достижениями своих коллег-исследователей. Его авторский метод в результате подвергся справедливой критике, которая, всего вероятнее, возымела, безусловно на фоне других не менее важных факторов исследовательского пути, определенное действие. В анализируемом подходе здраво проявляется некая претенциозность. Последняя, вместе с тем, может быть и объективно детерминирована особенностями источников базы, а также степенью освоенности соответствующих массивов источников. Эту особенность, характерную, безусловно, для разных авторов в той или другой степени, на том или ином этапе исследовательского пути, можно оценивать по-разному. Однако ясно, что в большинстве подобных случаев речь следует вести о роли основоположника того или иного направления или большой темы.

В связи с этим показателен случай с этим, мягко выражаясь, несимпатичным образом «жизни» за счет имени и творческого наследия великого ученого, результаты труда которого надо во что бы то ни стало «демистифицировать». При подобном «критическом» подходе проблемное осмысление ценных источников, так сказать локальных фактов, может иметь место лишь в лучшем случае. Гораздо хуже, если придется столкнуться с банальным коллекционированием фактов, точнее, позиционированием их в качестве не связанных между собой «вещей в себе» (то есть как принципиально непознаваемых реальностей, на данный ли момент, либо вообще недоступных для проблемного осмысления). Исходя из таких представлений, дело оценки принадлежности фактов определенному комплексу либо бессвязному множеству можно оставить в качестве вопроса для будущих поколений исследователей. Поступательное развитие теории и методологии научного прогресса в таком случае будет серьезно затруднено. И в этом – ошибка и даже определенная деструктивность.

Подобная модель неверна с точки зрения оснований беспристрастного научного познания. Тем более противостоятельно выглядит показанный подход в условиях современности с ее многоаспектными проблемами. Если, конечно, вести речь о действительном, а не показном желании решать серьезные проблемы или хотя бы желании подготавливать соответствующую почву для решения этих проблем. С подобными явлениями, по-видимому, приходится сталкиваться, как правило, на переломах эпох. Такие «точки» в пространстве науки могут давать знать себя далеко не сразу. Обязательно к этому они еще не вполне совпадают по времени с иными переломами, например, в общественно-политической жизни, в государственном устройстве. Именно так и протекает процесс накопления, но не капитала чистого знания, а весьма серьезных трудностей для малоподготовленного искателя исторической истины, «оснащенного» пусть даже интуицией, смекалкой, любопытством. Исследователю, разеющему за прогресс исторического познания, который возможен исключительно в рамках растянутого во времени коллективного исследовательского усилия, в подобном случае остается надеяться лишь на то, что позитивного в смысле прогресса стечения обстоятельств еще никто не отменял и отменить не может. Другое дело, что возможность свести к минимуму самое почву поступательного развития науки теоретически тоже не исключена, что требует лишь соответствующих (немалых) затрат энергии.

Если говорить именно о научном методе, то названный «критико-скептический» подход трудно признать сколько-нибудь эффективным. Будучи лишенным созидающего начала, он бесперспективен по своей сути. Сопутствовать объективной оценке механизмов взаимодействия внешнего мира природы и внутреннего мира человека он не может.

Судя по всему, до сих пор недостаточно оцененная в современной историографии работа А.Г. Кузьмина о В.Н. Татищеве является важным опытом исключительно содержательного, целостного в концептуальном отношении обращения к творчеству крупного историка-мыслителя и практика XVIII в. Возможно, причины этой недооценки связаны со статусом научно-популярного издания. Вместе с тем, не только избранная автором форма должна была сыграть свою роль. Из текста очевидна идеальная заостренность труда. В границах последнего предложения особенно заметен, в лучшем смысле слова, высокий пафос: «Полстолетия спустя Радищев сделал те выводы, которые старался обойти Татищев. И это означало переход от просветительства к революционно-освободительному движению»⁹¹. В оценке проникнутого историзмом наблюдения А.Г. Кузьмина не помешает учесть эпоху, в которой долго вызревала означенная мысль. Можно догадываться, она появилась во многом вопреки нараставшим тенденциям к пересмотру основ сложившегося в ХХ в. в России государственного и общественно-политического строя. Ударение необходимо сделать именно на основах, а не на отдельных формах-перекосах, в которые отлились первоначально свежие, исключительно перспективные идеи и отдельные установления, добытые величайшим напряжением народных сил. Эти соображения автора нашли путь к широкому читателю вопреки тенденциям, в теоретическом плане расшатывавшим и подрывавшим представление о закономерности революционных изменений в рабоче-крестьянской России – в стране, где на протяжении не одного столетия буйные формы имело крепостничество. Герой-предшественник А.Г. Кузьмина олицетворяет тот идеал, который связан больше не с ломкой и революционным строительством, а с более плавными изменениями в обществе. Об этом не следует забывать, когда на постсоветском пространстве наблюдаются различные перекосы, особенно разрушительные в последние годы в сфере культуры и в общественной жизни, в области идеологии.

Проанализированные авторские положения в «Татищеве» дают представление о герое не только как об историке с большой буквы, но и как о человеке с большой буквы. Исключительно целостный как личность в своих практических шагах и взглядах, он трудился, прежде всего, на благо Родины и отнюдь не стремился выплыть себя в глазах потомков. Настойчивая инсинуация, культивируемая отдельными историками, противоречит самому духу, масштабам Российского государства, столь отчетливо выразившимся в творческом наследии историка XVIII в. Об этом наследии можно сказать как о детице той эпохи, которая начала зримо проявлять себя с последней четверти XVII в. Все это убедительно раскрывается в книге А.Г. Кузьмина при условии внимательного ее прочтения. Многие наблюдения и выводы автора, поясняющие и дополняющие историософские воззрения В.Н. Татищева, имеют существенное значение с точки зрения фундаментальной методологии и философии истории.

Можно с уверенностью сказать, что этот труд является одним из ценных воплощений широкой научно-просветительской деятельности А.Г. Кузьмина – видного профессионального ученого и педагога, талантливого популяризатора исторической науки, представителя замечательной плеяды историков-источниковедов советской эпохи.

¹ Автор настоящей статьи отдает дань памяти Аполлону Григорьевичу Кузьмину, незадолго до своей смерти в 2004 г. поддержавшему в качестве первого официального оппонента аспиранта А.А. Севастьяновой при выходе на защиту, а также в процессе работы диссертационного совета Московского педагогического государственного университета, членом которого он являлся. Автор благодарен Алле Александровне Севастьяновой как научному руководителю диссертационного исследования, а также Вячеславу Николаевичу Козлякову, без усилий которых в ходе работы совета защита могла бы не состояться. Стоит обратить внимание, что в сентябре 2007 г. в МПГУ прошли «Чтения памяти А.Г. Кузьмина», приуроченные к приближавшейся круглой дате со дня рождения ученого. См., напр.: Устинова И.А. Книги патриарших приказов первой половины XVII в. как исторический источник. Автографат дис... канд. ист. наук. М., 2007. С. 8.

² В новейшей литературе, к примеру, можно отметить исследовательское внимание к одному из аспектов в работе А.Г. Кузьмина «Татищев», напрямую к историографии, правда, не относящемуся – см.: Плотников А.Б. Политические проекты 1730 г. (опыт подведения итогов источниковедческого изучения) // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению / Сост. Ю.М. Эскин. М., 2006. С. 200, 202.

³ Кузьмин А.Г. Татищев. 2-е изд., доп. М., 1987. (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр. Вып. 4 (620)). С. 332–333.

⁴ Аллатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII в.) / Отв. ред. акад. Л.В. Черепнин. М., 1976. С. 401.

⁵ См.: Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 365–367.

⁶ Там же. С. 337.

⁷ Там же. С. 347.

⁸ См., напр.: Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. I: Детство. Юность. Азовские походы. 30 мая 1672 – 6 марта 1697 г. / Подг. текста Н.А. Баклановой. Под. ред. В.И. Лебедева. М.-Л., 1940. С. 10–11.

⁹ Кареев Н./И./ Историко-философские и социологические этюды. Изд. 2-е, с изменениями. СПб., 1899. С. 15–16, 27–28.

¹⁰ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 346. Крайне любопытно подстрочное примечание А.Г. Кузьмина: «Татищев употреблял этот термин... следуя своему общему курсу давать по возможности русские определения. Я.С. Лурье и Е.М. Добрушкин расценили это как непонимание Татищевым разницы между историей и литературой». Как замечает Кузьмин, Татищев, сравнивая работу «историописателя» с работой архитектора, проводит аналогию со сферой монументальной, где все должно быть в достаточном количестве и иметь свое место. Историк XVIII в. полагал, что для историописания нужен «свободный смысл, к чему наука логики много пользует». В свете этого у «критиков» буйным цветом на поверхность выходит формализм, который может преследовать те или иные цели либо представляет собой попросту всеобъемлющее явление авторского метода. В публицистическом цикле М.Е. Сал-

тыкова-Щедрина «Письма о провинции» (письма 3-е, 6-е, др.), опубликованном в 1868–70 гг., обращают на себя внимание негативные оттенки смысла в использовании слов «историограф» (т. е. создатель истории российского деспотизма), «историографский», «историографство» (Кочетова Н.С. Провинция в творчестве Салтыкова-Щедрина (по материалам Рязанской губернии). Рязань, 1975. С. 109–115).

¹¹ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 349.

¹² Там же. С. 345.

¹³ Алпатов М.А. Указ. соч. С. 421–422.

¹⁴ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 348.

¹⁵ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 85.

¹⁶ См.: Самарин А.Ю. Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII–XVIII в.). М., 1998. С. 27, 86, 116, 121.

¹⁷ Там же. С. 3, 5, 91. Критерий предвзятости и оправдательного тона в тех или иных достаточно щекотливых вопросах может служить, по мнению автора настоящей статьи, четким индикатором ангажированности в исследовательских установках авторов. В качестве яркого примера можно привести пассаж из книги А.И. Алексеева: «...“стригольники” не противопоставляли себя церкви, хотя их понимание христианства существенно отличалось от церковного. Казнь “стригольников” в 1375 г. являлась вопиющим нарушением православной традиции отношения к еретикам и, по всей видимости, совершилась вопреки церковной власти» (Алексеев А.И. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб., 2002. С. 61). Рассуждения же академика Б.А. Рыбакова показывают совсем другое. В частности, в обоснование мнения о непримиримой антиклерикальной направленности движения стригольников (непримиримых к «зловерным паствуham», «лживым учителям» в лице епископов и попов) учений обращает внимание на факт переписки в середине XIV в. жития гуманиста XIII в. Авраамия Смоленского, которое содержит «описание такого лютого негодования духовенства по поводу открытой проповеди Авраамия, что попы и игумены собирались сжечь, или распять, или утопить в Днепре миролюбивого проповедника» (Рыбаков Б.А. Стригольники (Русские гуманисты XIV столетия). М., 1993. С. 152–166, 158). А.И. Алексеев забывает или умалчивает, что весьма почтаемый многими поколениями русских церковников Иосиф Волоцкий, обращаясь к эпохе Константина Великого в своем известном сочинении «Просветитель» (против некоторых положений сочинения, как известно, выступал на Стоглавом соборе епископ Кассиан Рязанский), по словам В.В. Калугина, «искзал оправданий смертной казни еретиков, между тем “сильвестровский” цикл не содержит этих идей...» (Калугин В.В. «Житие Сильвестра, папы Римского»: причины, цели и особенности перевода // «Житие Сильвестра, папы Римского» в агиографическом своде Андрея Курбского / Сост., предисл. и коммент. В.В. Калугина; подготовка текстов В.В. Калугина при участии О.А. Тимофеевой; отв. ред. М.И. Чернышева. М., 2003. С. 11). Имеет важнейшее значение мысль М.Е. Салтыкова-Щедрина, считавшего, как замечает Н.С. Кочетова, что «преступно забывать варварство, потому что в таком случае возникает реальная угроза его возобновления» (Кочетова Н.С. Указ. соч. С. 106).

¹⁸ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 77–78; может иметь показательный смысл то, что на отмеченную Татищевым «баснословность» Муромской летописи автор нового исследования по древнейшей истории Муромо-Рязанской земли не обращает совершенно никакого внимания в соответствующем месте, там, где кратко анализируются оценки А.Л. Монгайта и А.Г. Кузьмина в отношении рязанских и муромских известий В.Н. Татищева; кроме того, насколько можно заметить, име-

ются попытки приизнить значение собственно Рязани на фоне Мурома – см.: Крикошев М.В. Муромо-Рязанская земля: Очерки социально-политической истории XI – начала XIII вв. по материалам повестей / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. Гатчина, 2003. С. 6, 10, 155–157.

¹⁹ Цит. по: Кузьмин А.Г. Указ соч. С. 361.

²⁰ Кузьмин А.Г. Ученые мнения и легенды о славянской прародине // Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г. Кузьмин. 4-е изд., испр. М., 2001. С. 4–5. Историографический интерес может представлять отбор автором тех отрывков из труда Татищева, которые воспроизведены в хрестоматийной выборке: «Глава первая. О древности письма славянов», «Глава тридцать третия. Славяне от чего, где и когда названы», «Глава тридцать девятая. Западные славяне», «Глава четыреста сорок первая. Северные славяне» (С. 16–23).

²¹ См.: Аллатов М.А. Указ. соч. С. 409; Новиков А.А. Византийские источники в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVIII / Отв. ред. В.Н. Плешков. СПб., 2002. С. 281.

²² Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 1993. С. 200.

²³ Аллатов М.А. Указ. соч. С. 422–423.

²⁴ Черепнин Л.В. Русская историография XIX в. Курс лекций. М., 1957. С. 180. Любопытно продолжить процитированную Черепнинным мысль Татищева о древности славяно-русской письменности через несколько страниц у самого автора XVIII в.: «Сии обстоятельства только некоторую вероятность представляют, что руско-славяне тем или другим случаем письмо обрели прежде сочиненного Кириллом, ибо в объявлении законе речения и обстоятельства включены, которых задолго до Владимира и нигде у славян во употреблении уже не было, но были только в самой древности, Ярославу же вымысливать причины не было. И хотя о письме готическом совершенно не приемлю из-за того, что точного доказательства не имею, но и противоречить этому не меньшая трудность; следственно, требуется больших к доказанию о том изысканий» (Татищев В. История Российская: [В 3 т.]. Т. 1. М., 2005. С. 32).

²⁵ Столляр Ю.Н. В.Н. Татищев как книговед (К 300-летию со дня рождения) // Книга: исследования и материалы. Сборник 53. М., 1986. С. 145–146. Необходимо отметить, что автор специально анализирует менее известные, нежели «История Российская», авторские материалы Татищева, опубликованные в свое время А.И. Андреевым. Отмечаемое исследователем внимание Татищева к Феофану Прокоповичу можно представить в наиболее важном аспекте взаимоотношений автора и своеобразного цензора, исходя из источниковедческого наблюдения Кузьмина: «... в “Истории” более оказывается влияние монархической концепции Прокоповича, чем в отдельных записках» (Кузьмин А.Г. Татищев. С. 350).

²⁶ Кузьмин А.Г. Татищев. С. 204.

²⁷ Там же. С. 330–331; о П.И. Рычкове и Г.-Ф. Миллере подробнее – см.: Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. М., 1998. С. 36–38, 45–47 и др.

²⁸ Турнаев В.И. У истоков демократических традиций в российской науке: Очерки истории русско-немецких научных связей. Новосибирск, 2003. С. 77.

²⁹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 199. Портф. 46, 150 и др.

³⁰ Пичета В.И. Введение в русскую историю (источники и историография). М., 1922. С. 97.

³¹ Кузьмин А.Г. Татищев. С. 343–344.

³² Там же. С. 335.

³³ Цит. по: Очерки русской культуры XVIII в. Ч. II. / Под. общей ред. акад. Б.А. Рыбакова. М., 1987. С. 376.

³⁴ Там же. С. 370.

³⁵ Столяров Ю.Н. Указ. соч. С. 147.

³⁶ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 75.

³⁷ Шакинко И.М. Василий Татищев. Свердловск, 1986. С. 127.

³⁸ Милюков П./Н]. Главные течения русской исторической мысли. М., 2006. С. 30, 33.

³⁹ См.: Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 1: XVIII век / Под ред. С.О. Шмидта; сост. В.Ю. Афиани, Т.В. Лохина, М.П. Мироненко. М., 2001. С. 275–278, 280–282.

⁴⁰ Шапот Е.Г. Анкеты В.Н. Татищева как исторический источник по истории Сибири первой половины XVIII в. // Проблемы источниковедения. Вып. X / Отв. ред. А.А. Новосельский. М., 1962. С. 141–142.

⁴¹ Там же. С. 153. Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от некоторых других архивохранилищ, в числе которых ААН СССР и Отдел рукописей библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, конкретные сноски на материалы по сибирским городам относительно Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ) у автора фактически отсутствуют, за исключением двух дел (№ 344, 345), переданных в 1930 г. из Библиотеки Академии наук в Историко-Археографический институт, впоследствии переименованный в ЛОИИ (С. 150) (в 1990-е гг. переименован в СПб ФИРИ РАН, в начале 2000-х гг. в СПб ИИ РАН). Без каких-либо сносков автором указано лишь следующее: «Дошедшие до нас ответы из городов Западной Сибири, в частности из Верхотурья, Исетска, Кузнецка, Нарыма, Пельмы, Тары, Тобольска, Томска и Колывановского завода в подлинниках и копиях хранятся в Архиве Академии наук СССР и Ленинградском отделении Института истории Академии наук (ЛОИИ)».

⁴² Там же. С. 153.

⁴³ Шакинко И.М. Указ. соч. С. 233–234.

⁴⁴ Кузьмин А.Г. Татищев. С. 65, 212.

⁴⁵ См., напр.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. II: И.-О / Ред. кол.: Д.М. Буланин, А.А. Турилов. СПб., 1993. С. 281–282; Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено...». Очерки о русских историках второй половины XVII в. и их трудах. М., 1988. С. 100, 102; Дмитрев А. Петр I и церковь. М.-Л., 1931. С. 31; ср.: Самарин А.Ю. Указ. соч. С. 138, 140.

⁴⁶ Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник (далее – РИАМЗ). КП-8835/1. Л. 69. Проблемно-контекстуальный анализ записи – см.: Губин Д.В. Рязанская книжность в XVII в. в связи с европейскими традициями // Материалы и исследования по рязанскому краеведению / Отв. ред. Б.В. Горбунов. Т. XIV. Рязань, 2007. С. 65–68; в одном из двух фрагментов рязанских рукописных Синодиков, примыкающих к группе рукописных памятников XVII в., которые известны исследователям как Вкладная книга и синодик Солотчинского монастыря, имеется запись о роде Татищевых – см.: РИАМЗ. КП-8835/3. Л. 6 об.

⁴⁷ См.: Богословский М.М. Петр I: [Материалы к биографии] / Подг. к печати Н.А. Баклановой. Т. IV: 1699–1701 гг. М.-Л., 1948. С. 247, 250, 399–400, 403–405.

⁴⁸ Кузьмин А.Г. Татищев. С. 188, 190–191, 195, 197, 198–199.

⁴⁹ См.: Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII в. М., 2001. С. 337–380.

⁵⁰ Кузьмин А.Г. Об источниковедческой основе «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вопросы истории. 1963. № 9. С. 214.

⁵¹ Шанский Д.Н. Из истории русской исторической мысли. М., 1983. С. 69; по мнению Н.Л. Рубинштейна, «на работах Татищева формировались исторические взгляды Болтина» (*Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 85*).

⁵² См., напр.: Осипов В.О. Русская книготорговая библиография до начала XX в. М., 1983. С. 7–90.

⁵³ См.: Севастьянова А.А. Указ. соч. С. 3–233.

⁵⁴ Аллатов М.А. Указ. соч. С. 421.

⁵⁵ См.: Каталог личных архивных фондов отечественных историков. С. 12.

⁵⁶ См.: Толочко А. «История Российской» Василия Татищева: источники и известия. Москва–Киев, 2005. С. 8, 16 (Прим. 10), 251–252 (Прим. 2), 532. Показательно, что в справочном аппарате издания книга А.Г. Кузьмина «Татищев» в известном смысле выпадает из поля зрения читателя, поскольку в именном указателе не упомянута страница 8, где ссылка на работу Кузьмина присутствует. Кроме того, на странице 16 в тексте примечания даны ссылки на семь специальных и одну обобщающую работу А.Г. Кузьмина, начиная со статьи «Муромо-рязанские известия “Истории Российской” В.Н. Татищева // Сборник научных работ аспирантов МГУ. Исторический факультет. М., 1963. С. 180–200» и заканчивая монографией «Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977», тогда как в основном тексте имя автора даже не упоминается. Далее, в тексте примечания на странице 252 с целью доказать достаточно фантастический тезис о том, что «исследователи, доверяющие “татищевским известиям”, представляют Татищева как человека, в сущности, равнодушного к идеологии», неверно приведена цитата из книги Кузьмина «Татищев»: «Подчинение всего мировоззрения идеи “государственной пользы” делает Татищева мыслителем, лишенным однозначно (пропущено слово “выраженных”) – Д.Г.) классовых позиций» (*Кузьмин А.Г. Татищев. С. 333*).

⁵⁷ Цит. по: Кузьмин А.Г. К какому храму ищем мы дорогу? (История глазами современника). М., 1989. С. 262.

⁵⁸ Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв. Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 327. Название публикации в сборнике: «Отзыв о докторской диссертации С.Л. Пештича “Русская историография XVIII в.” (Л., 1961–1963, ч. 1–2)». В связи с тем, что вторая часть работы Пештича была опубликована не в 1963 г., а в 1965 г., несколько непонятен, туманен второй пункт в примечании к соответствующему приложению (С. 340). Некий критический подход Л.В. Черепнина к идеям А.Г. Кузьмина проявился в специальной работе автора: *Черепнин Л.В. К спорам о методологии изучения начального летописания: [Ответ А.Г. Кузьмину] // История СССР. 1973. № 4. С. 231–237*.

⁵⁹ Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 175.

⁶⁰ Арицховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. Томск–М., 2004. С. 45.

⁶¹ Там же. С. 313.

⁶² Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период: Учеб. пособие. М., 1978. С. 67–68.

⁶³ Историография истории России до 1917 г.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. / [А.Г. Кузьмин и др.]; под ред. М.Ю. Лачаевой. М., 2004. С. 114.

⁶⁴ Там же. С. 109.

⁶⁵ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 83–84.

⁶⁶ Там же. С. 79. Автор говорит об участии Татищева именно в публикации краткой редакции Русской Правды и Судебника 1550 г.: «Положив начало описанию источников, Татищев первый приступает к их публикации. В подготовленных им изданиях Русской Правды и Судебника (в подстрочном примечании уточнение “Они были изданы уже Миллером по рукописи Татищева”. – Д.Г.) впервые проводится применяемый и до настоящего времени принцип реального комментария, только, конечно, при другом объеме и уровне научного знания: история отдельных институтов, анализ терминов, характеристика правовых отношений. Этот же тип комментария Татищев применяет и в своей “Истории”»; в вопросе о первых статьях краткой редакции «Русской Правды» или Древнейшей Правды важно указание М.Н. Тихомирова: «Наиболее характерной особенностью этих статей является отсутствие в них указаний на княжескую юрисдикцию» (*Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв.* М., 1955. С. 67).

⁶⁷ Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). М., 1987. С. 68–69.

⁶⁸ Андреева Т.В. Судебники 1497 и 1550 гг. в издании К.Ф. Калайдовича и П.М. Строева // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVIII. С. 294.

⁶⁹ См.: Шенников А.А. Червлень Яр. Исследование по истории и географии среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987. С. 45–48.

⁷⁰ Хотя А.Г. Кузьмин, автор известного монографического исследования о рязанском летописании, в частном, но важном относительно истории Рязанского княжества времен Батыева нашествия вопросе о сыновьях рязанского князя первой трети XIII в. Ингвара Игоревича и следует за В.Н. Татищевым, автор настоящей статьи имел возможность показать, что это не единственная существующая возможность – см.: Кузьмин А.Г. Рязанская летопись. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 159–160, 164; Губин Д.В. Летописно-редакторская работа в Переяславле Рязанском XVI в. (Повесть о разорении Рязани Батыем и Симеоновская летопись) // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси). Материалы Всероссийской научной конференции «Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековья)». Рязань, 7–10 сентября 2005 г. / Отв. ред. П.В. Акульшин. Рязань, 2006. С. 109.

⁷¹ Кузьмин А.Г. К какому храму ищем мы дорогу... С. 267–268; на особое использование В.Н. Татищевым Иоакимовской летописи обращено внимание и у Н.Л. Рубинштейна: «Яркий пример подхода Татищева к источнику – постановка вопроса об Иоакимовской летописи. Выдвигавшиеся одно время обвинения Татищева чуть ли не в подлоге решительно опровергнуты исследованием Шахматова... Перед фактом резкого расхождения Иоакимовской летописи со всеми известными ему текстами летописи Нестора Татищев счел необходимым выделить изложение ее содержания... Тот же критический прием применяется и к древним и византийским писателям о России... этот же принцип Татищев распространяет и на пользование чужим авторским материалом. Так, придавая большое значение исследованиям Байера по норманскому вопросу, он выделил в особые главы изложение его взглядов, резко отделяя свой взгляд от взглядов используемого автора и перенося свои замечания в специальные примечания» (*Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 79*); Иоакимовской летописи посвящено отдельное исследование – см.: Шамбинаго С.К. Иоакимовская летопись // Исторические записки / Отв. ред. акад. Б.Д. Греков. Т. XXI. М., 1947. С. 123–167.

⁷² Кузьмин А.Г. К какому храму ищем мы дорогу... С. 289–290.

⁷³ Там же. С. 281.

⁷⁴ Там же. С. 280.

⁷⁵ Там же. С. 263.

⁷⁶ Цит. по: Кузьмин А.Г. Источниковедение истории России (с древнейших времен до монгольского завоевания): Учебное пособие. М., 2002. С. 144.

⁷⁷ В 1920 г. издана статья А.А. Шахматова «К вопросу о критическом издании Истории Российской В.Н. Татищева» (Дела и дни, кн. 1, с. 81–95) – см.: Алексей Александрович Шахматов. 1864–1920 / Ред. С.Ф. Ольденбург, Е.Ф. Карский. Л., 1930. (Сер. Очерки по истории знаний. Вып. VIII). С. 61, 79.

⁷⁸ Кузьмин А.Г. Источниковедение... С. 158–159.

⁷⁹ Он же. К какому храму ищем мы дорогу... С. 165.

⁸⁰ Он же. Татищев. С. 356.

⁸¹ Он же. Источниковедение... С. 161–162.

⁸² Цит. по: Он же. Об источниковедческой основе... С. 214.

⁸³ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 70.

⁸⁴ Милков П.[Н]. Указ. соч. С. 32.

⁸⁵ Алпатов М.А. Указ. соч. С. 403.

⁸⁶ Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания (обзор советской литературы). М., 1975. С. 7.

⁸⁷ Шапиро А.Л. Указ. соч. С. 188.

⁸⁸ Толочко А. Указ. соч. С. 253. Возможно, такой ход мысли автора объясняется тем, что он не разделяет, но и не критикует в открытую мнение итальянской исследовательницы Дж. Броджи Беркофф, которая склонна признавать оригинальными те известия Татищева, которые не обнаруживают четкой «тенденции».

⁸⁹ Буганов В.И. Указ. соч. С. 7–8.

⁹⁰ Кузьмин А.Г. Мародеры на дорогах истории / Предисл. С.В. Перевезенцева. М., 2005. С. 261.

⁹¹ Он же. Татищев. С. 362.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	– Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
ВКБС СССР	– Военная коллегия Верховного суда СССР
ВСНХ	– Всероссийский (высший) совет народного хозяйства
ГАРО	– Государственный архив Рязанской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГТГ	– Государственная Третьяковская галерея
ГУАК	– губернская ученая архивная комиссия
ДПЗ	– дом предварительного заключения
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИРЛИ	– Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
ККМ	– Касимовский краеведческий музей
КП	– книга поступлений
КПД	– коэффициент полезного действия
МВД	– Министерство внутренних дел
МГА МИД	– Московский государственный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ	– Московский государственный историко-архивный институт
МОПИ	– Московский областной педагогический институт
НА ИА РАН	– научный архив Института археологии Российской академии наук
НАН Украины	– Национальная академия наук Украины
НА РИАМЗ	– научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника
НИОР РГБ (ОР РГБ)	– научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
НСБ ГАРО	– научно-справочная библиотека Государственного архива Рязанской области
ОГПУ	– Объединенное государственное политическое управление
ОИДР	– Императорское общество истории и древностей Российской при Московском университете
ОИРК	– Общество исследователей Рязанского края
ОПИ ГИМ	– отдел письменных источников ГИМ
ОР РНБ	– отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПСР	– партия социалистов-революционеров
РА ИИМК РАН	– рукописный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук
РАН	– Российская академия наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГБ	– Российская государственная библиотека

РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГО	– Российское географическое общество
РД	– Русский дипломатарий
РДДС	– Рязанское дворянское депутатское собрание
РО ИРЛИ	– рукописный отдел ИРЛИ
РОУНБ	– Рязанская областная универсальная научная библиотека им. Горького
РУАК	– Рязанская ученая архивная комиссия
ТРУАК	– Труды РУАК
ЦАНО	– Центральный архив Нижегородской области
ЦПО	– Центральная промышленная область
ЧОИДР	– Чтения в ОИДР

СОДЕРЖАНИЕ

Л.В. Чекурин

Д.И. Иловайский: исследования по русской культуре 3

О.Б. Хабарова

Академик М.К. Любавский. Из биографии 23

В.А. Толстов

М.К. Любавский – действительный член
Рязанской ученой архивной комиссии 33

В.М. Касаткин

Историческая география России
в трудах академика М.К. Любавского 46

И.А. Филатов

Д.И. Иловайский, М.К. Любавский и другие рязанцы
в воспоминаниях и письмах Игоря Грабаря 53

И.А. Филатов

Д.И. Иловайский и М.К. Любавский о казачестве 60

А.В. Беляков

Рождение Касимовского царства 66

О.Н. Миронова

Русско-шведские дипломатические отношения
в 1618–1632 гг. (краткий историографический обзор) 75

М.Б. Желтов

Достоверность сведений о возрасте населения в переписных,
ландратских и ревизских описаниях
конца XVII – первой четверти XVIII века
(по материалам Коломенского уезда) 78

М.Б. Желтов

О содержании термина «побег» (применительно к крестьянству)
в делопроизводстве XVIII века 85

Д.Ю. Филиппов

Путь к Истории: Иван Гагин и его историографическое наследие 88

А.О. Никитин

Забытый историк, неизвестный мемуарист: парадокс Клеванова 112

<i>В.В. Боярченков</i>	
Журнальный поединок О.М. Бодянского с В.Г. Тизенгаузеном (к истокам полемики филолога-слависта и нумизмат-ориенталиста в 1866 г.)	174
<i>И.Ю. Жарова</i>	
Эпизоды из следственной практики С.Т. Славутинского	181
<i>М.В. Целикова</i>	
Деятельность Комитета публичной библиотеки г. Рязани по организации обслуживания читателей (50–60-е гг. XIX в.)	186
<i>П.А. Трибунский</i>	
«Касимовский листок» Н.И. Шишкина	192
<i>И.П. Самойлова</i>	
Рязанский след коллекционеров Басниных	195
<i>М. Мабийяр (Швейцария)</i>	
Наташа Климова в источниках и исследованиях	201
<i>О.Д. Попова</i>	
История Русской православной церкви конца XIX – начала XX века в современной отечественной историографии	210
<i>Т.С. Селиванова</i>	
Этнографические исследования в Рязанском музее в конце XIX – первой трети XX века. Историографический обзор	220
<i>Д.В. Губин</i>	
О книге А.Г. Кузьмина «Татищев» и ее значении на фоне некоторых оценок татищевского наследия	229
<i>Б.В. Горбунов</i>	
В.А. Есаков: историк и географ	265
Список сокращений	267
Содержание	269

Научное издание

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ ПРОВИНЦИИ**

Материалы IV научно-практической конференции,
посвященной памяти Д.И. Иловайского и М.К. Любавского

Рязань, 21 февраля 2007 г.

Редактор: Т.В. Рахманина
Макет, верстка: Е.М. Сахарова

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 17. Тираж 300 экз. Заказ № 657/568.

Издательство РИАМЗ. 390000, г. Рязань, Кремль, 15. Тел. (4912) 27-21-11.
e-mail: root@riamz.ryazan.ru
www.ryazankreml.ru

Отпечатано: ЗАО «Приз». 390010, Рязань, пр-д Шабулина, 4.